Давид Исидорович Рухадзе

Мои воспоминания

О революционном движении на Тереке и в частности на Кубани

с 1917 по 1921 год

КУТАИС
Типография Коммунального Хозяйства
1927.

1986

ОТ АВТОРА.

В целях подитоживания настоящих воспоминаний хочу сказать несколько слов. Во первых оно ни в коей мере не может претендовать на литературность изложения, ибо автор простой рабочий не имеющий образования. Затем печатаемые материалы не могут являться исчерпывающими. Здесь безусловно пропущен целый ряд исторических моментов и целый ряд действовавших фигур, как подполья так и после февральской и октябрьской революций. Но это сделано не с целью. Проходит двадцать лет с того времени и даже трудно припомнить тех товарищей, которые героически отдавали свою жизнь за Октябрь, за власть Советов. Трудно припомнить и в памяти восстановить все жертвы на Тереке, до того их много! Кроме того воспоминания имеют неточности в указании времени событий, того или другого момента и акта. Возможно что они имели место раньше, а мною отмечены позже и наоборот. Но этими неточностями в датах положение не меняется, поскольку воспоминания целиком взяты из жизни и практики с которыми мне приходилось соприкасаться и принимать участие. В воспоминаниях мною не скрываются, наоборот отмечаются все дефекты и неурядицы, имевшие место в нашей работе, но если мы сопоставим условия того времени, в которых нам приходилось работать, то все станет ясным и виновники всех недостатков предстанут перед нами во весь рост. Как в воспоминаниях говорится после революции образовалось два больших течения: одно требовало диктатуры пролетариата в лице власти Советов, другое—оставить у власти буржуазию. Имелась и третья группировка, чисто монархическая, но она об'единялась со

вторым течением и хотела через учредиловку получить нового монарха. Первое течение, как всем известно возглавлял тов. Ленин вокруг которого об'единились все рабочие и трудовое крестьянство. Вокруг второго течения об'единились меньшевики, эсеры, трудовики, кадеты, октябристы и вся монархическая свора. В доказательство, что это так, приведу некоторые факты из жизни нашего Терека. Кто погиб там за Советскую власть? Рабочие и крестьяне. Перечислим некоторые фамилии товарищей погибших за Октябрь:

Анджиевский, Тюленев, Ксионда, Пешков, Анисимов, Дорофеев, Бирюков, Лазарев, Касаниди, Егоров, Шведин, Посохов, Бардаков, Белов, Новиков, Норченко, Харченко, Шепакидзе, Харин, Долгов, Штиблетов, Моторин и много других которых не перечислишь. Они на все 100% рабочие и крестьяне. Тоже самое нужно сказать о тех товарищах, которые уцелели и выполняли очень ответственную работу, как например: Пащенко, Совгиров, Янышевский, Купцов, Тронов, Соболев, Крайников, Болховитин, Хапилин, Осокин, Еолов Старииццкин, Гопепекин, Парсегов и другие. Они все рабочие и крестьяне Теперь обратим внимание на тех кто возглавлял борьбу с Советской властью: ген. Алексеев, Деникин, Эрдели; всем известный душитель персидских революционеров ген. Ляхов, ген. Петренко, полковник Рязанов, Чадоянц, Шкуро, Глухов, Меняков и всех видов разбойники и палачи, которых воспевал меньшевик Гидони и есер Л. Орлов, вот за кого шли меньшевики, которые только знали расхищать народное достояние, развратничать, производить расправу над рабочими, крестьянами и насилия. Кому довелось побывать в 1919 г. на Тереке тот знает какие ужасы творили „спасители отечества“. Наша интеллигенция, в то время, вместо помощи нашим товарищам, сидевшим в аппа-

рате, устраивала саботаж, не желая с рабочими и крестьянами вести работу. Кулачество не давало продовольствия, желая нас взять измором. В общем наступление на власть велось со всех сторон. Не умевшие управлять аппаратом, не подготовленные товарищи ошибались т. к. им кроме того что приходилось создавать новый аппарат на новых принципах на новых началах им же приходилось все время с оружием в руках отбивать многочисленные нападения и налеты бандитов и предателей революции. В общем им приходилось в интересах октябрьских завоеваний делать все: быть одновременно бойцами, администраторами, хозяйственниками, пропагандистами и организаторами Советской власти. Отсюда ясно кто является виновником всех ошибок и пережитых ужасов: все те, кто поднял меч против пролетарской революции; все те, кто вел пассивную и открытую борьбу с Советской властью. В настоящих воспоминаниях я хотел кратко описать пройденное и вывесть на свет виновников пережитого, виновников грабежа, разрушения, насилия и убийств.

Д. И. Рухадзе.

Свержение царизма застало меня в г. Майкопе, где я скрывался до того времени от царских палачей Мне пришлось побывать в разных городах Северного Кавказа, а в особерности на группах Кавминвод и поэтому считаю не лишним сказать несколько слов о подпольной работе до 1917 года.

После подавления революции 1905 года начала свирепствовать самодержавная реакция на всем пространстве бывшей Российской империи, действуя с особым ожесточением в тех районах, где революционные действия принимали форму открытых восстаний.

Наряду с Петроградом, Москвой, Донбассом и другими центральными городами не отставала от тех великих событий и Грузия. Из этого ясным станет каковы были проявления черной реакции при диктатуре палача, генерала Алиханова-Аварского. Уцелевшие от виселиц этого сатрапа бежали из Грузии. Центром этой эмиграции, как ближайший пункт и крупный промышленный центр являлся г. Баку, где приехавшие оставались вести подпольную работу, или уезжали дальше в Россию. Благодаря такому положению на группы Кавминвод, прибывала отечественная эмиграция как из центральных городов России, так и из Баку, в

среде, которых преобладающим большинством были грузины. Часть прибывающих товарищей старалась устроиться на службу, часть жила поддержкой организации, а небольшая группа, потерявшая надежды на революцию, отошла от нее и стала экспроприаторами. Ограбление в 1907 г. почтового поезда на Минераловодской ж. д. ветке; ограбление артельщика на ст. Кавказская; ограбление почтового поезда, вблизи Краснодара и целый ряд других ограблений, были делом этой группы. Конечно, большая часть их гибла за свои безумные шаги, но не мало вреда они наносили работникам подполья потому, что после каждой экспроприации, полиция устраивала облавы и аресты от которых, в большей части страдали приезжие товарищи. Мне помнится время, когда для права пребывания на группах Кавминвод нужно было при себе иметь от волости свидетельство о политической благонадежности, а это не так легко удавалось, хотя и в этом отношении выходы находились. Разумеется, что мера эта не распространялась на буржуазию, которая приезжала на К. М. В. для того чтобы развратничать и наслаждаться за счет трудов народа.

В числе товарищей прибывших из Грузии находился и автор настоящих воспоминаний. Число безработных, на Кавминводах в 1907 году дости-

тало 7000 человек. Ценгром безработных являлся Кисловодск, благодаря чему он стал центром движения. Воспользовавшись создавшимися условиями „эмигранты" стали во главе движения и дали ему направление профессиональнаго характера. Главным руководителем движения стал некто Тодрия. Активное участие в руководстве движением принимали: Попов, Шабанов, Антонюк (повешен в 1919 г. в Пятигорске), В. Метонидзе, П. Лобжанидзе, Д. Рухадзе, В. Каландарашвили, Р. Шония, Р. Пешкнв, П. Мегрелишвили, В. Еркомайшвили, прибывшие из Тифлиса два большевика Сохадзе, Гургенидзе и многие другие товарищи фамилий которых, к сожалению, не помню. Чтобы не допустить неясности, нахожу нужным оговориться, что главной базой постоянных кадров рабочих и служащих являлось Управление К. М. В. где был небольшой штат. Все же остальные рабочие и служащие, для ресторанов, гостиниц, столовых, кондитерских, санаторий и ванн, нанимались только для летнего сезона и, главным образом, эти кадры являлись действующими, начиная с 1907 года и почти до свержения царизма. Что же касается постоянного кадра служащих групп К. М. В. то ввиду особых условий службы, они вели себя замкнуто и участия в движении не принимали. Я это об'ясняю тем, что среди приезжих находилось

очень много „политических эмигрантов“ и в большей части из центральных городов, политическое сознание у них было больше чем у местных. Кроме того, рабочие перечисленных категорий находились в самых худших условиях. Например, при поступлении на службу они должны были вносить в кассу хозяина залог от 25 до 150 руб в обеспечение имущества предприятия, иметь за свой счет особую форму одежды; не получали жалованья, а жили на „чаевых“ подачках. Даже из этих заработков многие „почтенные“ владельцы ввели систему ежедневных отчислений по 30 коп., бросаемых в кружку в пользу хозяина. Рабочее время зависело от физического состояния рабочего. Если заболел или выбылся из сил, то уходи „с богом“, а о человеческом отношении и говорить не приходится. Вот главные причины, по которым в 1907 г. началась серьезная борьба между нанимателями с одной и рабочими и служащими с другой стороны. Главными моментами требований было следующее: разрешение организации профсоюза, определение рабочего времени, прием рабочих через профсоюз, отмена залоговых сумм, отмена „чаевых“ и введение определенных окладов жалованья или процентных отчислений от оборотов и форменная одежда за счет нанимателя, о также целый ряд других требований, вокруг которых об‘единились все рабочие

и служащие. Борьба приняла серьезный характер и на помощь господам владельцам выступили представители власти: начальник области Михеев, атаман Пятигорского отдела ген. Попов, нач. охранного отделения, всем известный своими жестокостями, полковник Лупаков, (который за проявленные им зверства нашими товарищами был убит в 1912 году). Кисловодский пристав казак Болдырев и весь жандармский и полицейский аппарат. После упорной борьбы движение было обезглавлено. Многие участники его были арестованы, часть ушла в подполье, продолжая борьбу. Дело дошло до высылки грузин на родину в отдельных вагонах. Расходы по этой операции приняли с удовольствием на себя господа владельцы предприятий.

Здесь необходимо отметить один важный документ. Циркулярное распоряжение наместника Кавказа в жандармское управление где говорилось: „грузин на службу не принимать". Жандармское управление энергично взялось за выполнение распоряжения наместника, ибо это исходимо от них же, этот документ попал в наши руки и мы через Тифлис, направили в государственную думу, соц.-демократическую фракцию. Жандармское управление откуда то узнало это и усилило репрессии, аресты и выселение в особенности грузин. За эти заслуги 12 года Лупаков получил вознаграждение.

Но отголоски движения продолжались и вслед за убийством чиновника особых поручений начальника области, в Пятигорске раздались выстрелы, сразившие Одесского генерал-губернатора Карангозова; после него пал Кисловодский пристав Болдырев; вслед за ним у своей кассы был убит владелец курзала Габуния. Нужно сказать, что первые две фигуры Карангозов и чиновник Сладиковский были „сняты“ без нашего участия, а три последние Лупаков, Болдырев и Габуния—целиком наша работа. Хотя после террористических актов репрессии, усиливаясь вызывали лишние жертвы, но мы, в данном случае немного проиграли и кое-что выиграли: господа владельцы струсили и начали делать кое-какие уступки.

Заслуживает интереса, то явление, что на место убитого Болдырева очень долго искали заместителя, т. к. никто не соглашался занять освободившуюся почетную должность, и наконец насилу нашли капитана Шахмурзиева, который на первых порах вел себя очень осторожно. Кроме того, окончательно провалилась идея легализации союза и было решено окончательно перейти на подпольную работу и держать союз в подпольи и с 1907 года союз не ликвидировался, но существовал до свержения царизма. Правда, работу его нельзя назвать очень интенсивной, но он многое проделал, а са-

мое главное научил многих товарищей, стоявших в стороне от политики, подпольной работе, поставленной на политические рельсы Очень необходимо сказать несколько слов о том, каково было политическое руководство. Влияние на движение было соц -демократическим, но самый состав руководителей состоял из различных социалистических группировок, сюда входили с -д., эсеры, трудовики, анархисты и вообще прогрессивно-мыслящие элементы.

Кружок эсдеков, которых было преобладающее большинство, действовал по своему усмотрению. Руководящего органа на месте не было. В Пятигорске существовала интеллигентная группа марксистов куда входили: доктор Гурари, Берков, поверенный Лунин, Майборода, Санин, жена Гурари и целый ряд других интеллигентов. Рабочие элементы в этом кружке были представлены очень ограниченно. Из рабочих мне помнится только фамилия тов. Пещарского, Янишевского и Пащенко, (впоследствии все трое стали коммунистами) Названная группа хоть и была солидной, но все-же не могла взять руководство в свои руки и движение получало от нее лишь отдельные персональные советы. Здесь нужно отметить один исторический момент. В Кисловодске начиная с 1907 года до 1910 года существовало бюро соц -демократи-

ческой организации (б), которое возглавляли большевики, насколько мне помнится председателем бюро состоял один из рабочих Кисловодска, большевик, некто Кон, так мы его называли, а казначеем —большевик Метонидзе. Этот последний, впоследствии сошел со сцены, а тов. Кон не знаю где находится. В Кисловодске бюро было связано с Тифлисом лучше чем Пятигорск и все важные вопросы тогдашнего движения решались и санкционировались Тифлисом. В общем бюро было во всем курсе, печати и штемпеля, подп. организации доныне спрятаны, находятся в Армавире, в одном здании, что необходимо взять как исторический документ.

По этой причине серьезные директивы мы получали из Тифлиса или из Баку, т. к. большинство руководителей являлось из этих городов. Сюда на группы К. М. В, на летние каникулы приезжали члены государственной думы: Суханов, Скобелев, Чхенкели и другие помогавшие нам работать. Из Баку приезжал тов. Вишневский, один из руководителей Бакинской городской организации, принимавший участие в работе. Говорить о наличии большевистской группы или фракции Пятигорской организации не приходится; возможно они имелись на Мин. Водах, но к сожалению мы друг с другом особенно хорошей связи не имели.

Таким образом, постоянно действующей организации у нас на группах КМВ не было, несмотря на то, в этом направлении принимались всевозможные меры. Отсюда наша работа называлась работой приезжей организации

С окончанием сезона оканчивалась наша работа и каждое лето все нужно было начинать снова, с новыми людьми, отсюда ясным становится при каких условиях нам приходилось работать, но к счастью некоторые товарищи прибывали на группы КМВ каждое лето, в частности автор настоящих воспоминаний. Это обстоятельство значительно облегчало наше положение и как выше было сказано, у нас на КМВ существовала подпольная профорганизация, которая до февральской революции не прекращала свое существование, при тогдашней обстановке она сделала сверх полагаемого для революции.

В Майкопе, где меня застала февральская революция существовала небольшая об'единенная нелегальная организация Р.С.Д.Р.П, куда входило 10-12 человек преимущественно приезжих, скрывавшихся в Майкопе. Находились и отдельные личности из других социальных группировок, но самостоятельных организаций у них не было. Работу существовавшей там организации нельзя назвать боевой или очень интенсивной. Связь с рабочими

массами нельзя назвать особенно налаженной. На недостаточной высоте стояла работа по организации профсоюзов, несмотря на то, что почва для этого была хорошая, при наличии целого ряда кожевенных, маслобойных, дубильных и других заводов. Удовлетворительно было поставлено дело распространения нелегальной литературы.

Причины слабости работы об'ясняются тем, что Майкоп, как таковой, в смысле своей отсталости и реакционности занимал видное место среди остальных городов Северного Кавказа. Затем большинство членов группы состояло из бежавших из ссылки и каторги, а один даже был приговорен к смертной казни. В состав группы никто из местных работников не входил, а это обстоятельство в значительной степени влияло на работу организации. Руководство и директивы группа получала из Армавира, где существовала довольно солидная марксистская организация, хорошо связанная с центральными городами и в особенности с Ростовом на Дону. В Армавирской организации с 1910 по 1917 год, наиболее активными членами являлись: т. т. Закладный, Горбунов, Гоглоев, Беселидзе, Кадиев, Метонидзе, Сохадзе, Сабашвили, из Ростова для связи приезжали Размадзе и другие. Несмотря на сильную реакцию, Армавирская организация хорошо поставила распространение

нелегальной литературы, особенно хорошо распространялась большевистская газета Правда, несмотря на то, что в этой организации в большинстве сидели меньшевики.

Следует отметить большие заслуги в работе Армавирской организации в области распространения большевистской литературы со стороны тов. Метонидзе, и особенно т. Любы Закржевской. Итак Армавирская организация снабжала нелегальной литературой Майкоп, Туапсе и Минеральные Воды. Немало внимания ею уделялось организации профсоюзов, бирже труда, больничной кассе, кооперативов, городского самоуправления и целого ряда благотворительных обществ. Наблюдалось, что профорганизации, став легальными, теряли революционный дух и очень часто превращались в христианские родственно—полиц организации. Нередко бывало в состав Правлений и даже лиц возглавлявших союзы попадали монархисты. Отмечаю, что не будучи в те времена большевиком, я всегда был против легализации профсоюзов.

Свержение царизма.

О февральских событиях в Майкопе мы узнали лишь 4 марта. Первую весть об этом мне сообщил тов. Сабашвили, которому я сначала не поверил. В этом отношении и Армавир запаздывал. Здешние

атаманы отделов, а в особенности Майкопский генерал Третьяков тщательно скрывали телеграммы о происходящих событиях. Узнав о происшедшем перевороте, подпольники разыскали друг друга и нужно сознаться, многие из нас торопились снять маски и открыть свою личность и уехать; мало думали о захвате руководства манифестаций и последние происходили стихийно Трудно было узнать кто ими руководит и в манифестациях можно было увидеть: монархиста, кадета, октябриста и кого угодно В результате движение захватили в свои руки кадеты, возглавляемые казаком Иваненко, и организовали так называемый гражданский комитет ими же и возглавляемый. В нем-же находились представители „социалистов", которые никем не были туда делегированы. На совещании нашей группы, в связи с происходящими событиями, мною было сделано предложение немедленно организовать Совет рабочих и солдатских депутатов. Мое предложение не вызвало сочувствия со стороны товарищей Они смотрели пессимистически на организацию Совета к тому же при отсутствии профорганизации таковой трудно было быстро сорганизовать, но при наличии большого количества предприятий и при энергичных действиях всех членов группы, вопрос можно было-бы разрешить благополучно. Но к несчастью энергичных действий на-

блюдалось мало. Возможно это об'ясняется тем, что многие, товарищи из нашей группы, вынужденные здесь проживать больше думали возможно скорее выехать из Майкопа, а небольшая часть втесалась в кадетский гражданский комитет, городское самоуправление и мало думали об остальном. Армавир был занят собою и не мог нам уделять внимания. Несмотря на такое положение, я решил взять инициативу в свои руки. При энергичной помощи сапожника, тогда еще безпартийного, а потом коммуниста тов. Плотникова взялся за дело. Начали устраивать по предприятиям собрания рабочих и на каждые 25 человек выбирали одного депутата. После этого подтянулись все остальные оставшиеся с нами члены группы и в особенности единственная большевичка Дарман Дальняя. Закипела работа, закончив выборы, 10 марта в Пушкинском народном доме открыли первое собрание Майкопского С. Р. и С. депутатов. Пригласить в совет представителей, стоявших там казачьих частей нам не удалось: атаман отдела Третьяков к ним никого не пропускал. После небольших докладов о происходящих событиях и роли Советов, собрание приступило к выборам президиума и Председателя. Насколько помнится туда вошли Дальняя, Сабашвили, Рухадзе, Плотников и другие. Как ни странно, но противников организации

совета оказалось в нем большинство, благодаря чему работа совета стала бледной, нежизненноспособной. Большинство членов совета старалось, всеми путями, делегироваться к какую-нибудь буржуазную организацию и получить там тепленькое местечко, а об углублении революции, которая должна была быть стержнем нашей работы, из всего состава думали только единицы За то не спал генерал Третьяков, он готовил „Варфоломеевский вечерок,“ а гражданский комитет сочувствовал его намерениями и „социалисты“, засевшие в гражданском комитете смотрели на генеральскую затею сквозь пальцы. 15 марта, по инициативе Майкопской группы марксистов, состоялся первый большой митинг, на который докладчиком был приглашен из Армавирской огранизации тов. Гоглоев, выступивший по вопросу о происходящих событиях. Но в митинге участвовали только граждане, бывшие в курсе событий, а с войсковыми частями нам не удалось связаться; несмотря на обширные полномочия тов. Гоглоева, ген. Третьяков не пропускал нас к войсковыми частям. Мне помнятся слова этого атамана, сказавшего: „на грязное дело казаков не пущу“. В смысле организованности Армавир находился в лучших условиях. Там наша организация стала во главе движения и в составе ея находился достаточный кадр подготовленных боль-

шевиков, помимо того тамошний атаман Лабийского отдела ген. Филимонов либеральничал, стараясь показать себя другом революции и народа.

В средних числах апреля 1917 года по болезни, я переехал на лечение в Ессентуки. Что после произошло в Майкопе к сожалению у меня нет материала. Здесь, нужно сказать в это время существовали прежние царские порядки и здесь существовал так называемый тройственный союз: старое станичное правление во главе которого находился казак, конвоя его „величества" Третьяков, гражданский комитет во главе с магистром Ткешелашвили, имевший мандат комиссара времен. правительства и называвший себя советом раб. и солд. депутатов, куда входили представители так называемых „общественных организаций", подрядчики, домовладельцы, офицерство, казачьи верхи и проч. свора. Во главе венигретного совета стоял ненормальный тип, фанатик-Корнилова Глазов, заместителем его был второй корниловец более умный георгиевский кавалер студент Брусиловский. В составе глазовского совета не было даже мелко-буржуазного социалиста. Все эти три организации блокировались между собой, захватили все в свои руки и не давали рабочим организоваться. При каждом проявлении рабочего движения они старались раздавить его и в целях ослабления

разделить его на три группы: иногородных, местных, казаков и приезжих. Особенную травлю они вели против последней, особенно опасной для них группы и успешно достигали своей цели. В апреле и мае на группах КМВ происходила всеобщая забастовка, которой руководил особый стачечный комитет, возглавлявшийся прибывшими из каторги тов. Фигатнером Ю. П., а помогал ему тов. Пешков Р. П. и другие товарищи. На всех группах КМВ забастовка была закончена, требования рабочих и служащих удовлетворены, договор был подписан представителями обоих сторон и утвержден Пятигорским СР и С. депутатов. В Ессентуках-же владельцы с договором не были согласны, благодаря чему продолжалась забастовка, захватив три тысячи участников. Руководство забастовкой на всем ея продолжении попадало в руки случайных лиц, благодаря чему ловкие хозяева не жалели напитка с четырьмя звездочками и закусок, чтобы подкупать руководителей.

Вспомним Шмелева и Златковского отведавших у хозяев во время забастовки то и другое. Зятянувшейся забастовке было мало уделено внимания со стороны политических партий; их, правда, в Ессентуках не было. Следовательно об этом должен был позаботиться и возглавлять движение Пятигорский Совет Р. и С. депутатов.

Ныне описанный Ессентукский Совет по природе присущей тогдашнему его составу стал на сторону хозяев. Владелец крупнейших предприятий хитрый не лишенный способностей Ерибеков держал всегда накрытым стол, для членов президиума этого совета. На одно общее собрание бастующих явился Глазов и об'явил, что союз закрыт, забастовку считать законченной, к сопротивляющимся будут применены аресты и высылка. Здесь Глазов ясно действовал по заданиям станичного правления потому, что Совет в то время не пользовался такими правами. Случайно присутствуя на этом собрании, я ответил Глазову в немного резкой форме, а измученные безработные готовы были учинить над ним самосуд. С того момента я решил принять активное участие в забастовке. Потерявшие доверие к руководителям забастовки относились, сначала и ко мне с недоверием, а более активная группа во главе с тов. Николайшвили, хотели пустить в ход террористические акты и уложить несколько владельцев и их покровителя, главу гражд. комитета Ткешелашвили и злополучного Глазова. Узнав о намерениях я советовал товарищам этого не делать и дал слово, что забастовка будет закончена в несколько дней в нашу пользу и с этого момента встал во главе стачечного комитета. При активном участии т. т. Николайшвили,

Метакса (оба были убиты в Закаспии в числе 26 коммунаров) Харина, Пешкова, (оба убиты при отступлении) Касаниди, (казнен в Ессентуках в 1919 году) Соболева секретаря стачечного комитета, Калюжная и др. в течение одной недели нам удалось окончательно побороть владельцев и забастовка окончилась полной победой, несмотря на то, что „Тройственный союз“ в лице гражд. комитета, станичного правления и Совета, поддерживал владельцев и общим фронтом выступали против рабочих

Глазовским советом был организован союз штрейкбрехеров, именовавший себя союзом местных жителей, который срывал забастовку и доставлял владельцам рабочие руки. И как ни странно во главе этого союза стоял всеми любимый тов. В. Сергеев, впоследствии сознавший свои ошибки и вставший в наши ряды лучшим борцом за власть Советов Однажды атаман станицы Третьяков арестовал меня и предложил немедленно выехать в Грузию и там заняться бунтарским делом, а здесь он сказал, казачество само сможет управляться и если я не подчинюсь, то буду расстрелян. Товарищи успели послать телеграмму министру труда В П. Скобелеву, который своей телеграммой помог мне.

После оформления профсоюза рабочих и служащих и выборов правления, меня избрали пред-

седателем, а т. Соболева секретарем. Перед нами встали три военных вопроса: 1) организация политической партии, 2) организация остальных профсоюзов и 3) перевыборы совета и захват его. Первый вопрос был скоро разрешен; в июне или июле 1917 г. в Ессентуках впервые была сорганизована политическая партия Р. С. Д. Р. П. интернационалистов, куда вступили лучшие силы тогдашнего движения товарищи: 1) Д. Рухадзе (чл. с 1903 года) Сергеев, Собелев, Калюжная, Касаниди, Хапилин, Мачавариани, Харин, Николаишвили, П. Рухадзе и другие. Впоследствии все эти товарищи стали коммунистами, затем нам удалось сорганизовать остальные профсоюзы, а затем руководящее для них об'единение. Среди профсоюзов, как постоянная организация являлся союз служащих и рабочих Ессентукской группы КМВ. в среде, которых самыми активными были т. т. Кудинов, Осокин, Белов (убит белыми), Толстых Носатый, Долгов (убит белыми) Штиблетов (убит белыми). При разрешении третьего вопроса мы столкнулись с предателями Глазовского совета. Последний раз дело обстояло так. На группах КМВ. неожиданно вспыхнула забастовка аптекарских работников. И на всех группах кроме Ессентуков требования служащих аптек были удовлетворены, а здесь владельцы оказали сопротивление. Иначе

и быть не могло, т. к. представитель временного правительства г. Ткешелашвили имел две аптеки и одну лабораторию и не желал ослаблять своего бюджета; вокруг нею об'единились остальные и началась борьба. Пришлось вмешаться, ибо другого выхода из положения не было. Заставили Глазовский совет созвать пленум с участием представителей профсоюзов. Для обсуждения вопроса собрались в здании читальни группы. Зампредсовета Брусиловский ухитрился пригласить на заседание всех владельцев аптек, да еще и представителей больных. Я тоже не зевал: привел несколько десятков активных членов профсоюзов и заполнил помещение читальни. Брусиловский открывая собрание обратился к присутствующим с речью, указав на неслыханное в истории дело: бастуют аптеки и лишают больных возможности получать лекарства, а за это нужно с бастующими баранами расчитаться. Последние слова георгиевского кавалера испортило все дело. Поднялся крик, протесты и шум, которые Брусиловский не смог прекратить. Я взял слово для ответа ему и пустил в ход все что можно было. Затем выступали представители профсоюзов, обрушиваясь на Брусиловского. Видя, что нет выхода он падает в обморок, его вывели; владельцы продолжали упорствовать не желая удовлетворить требований аптеч-

ных работников, совет и представители больных поддерживают владельцев. Нами было внесено предложение в случае неудовлетворения сегодня требований, завтра об‘явить всеобщую забастовку по Ессентукам. Здесь все струсили, начались протесты: как это нас лишают не только лекарств, но пищи, ухода и т. д. Пришлось уступить и договор был подписан, но это было последним денечком Глазово-Брусиловского Совета. Приблизительно в июле, мы приступили к перевыбором совета, но и здесь мы не избавились от представителей т. н. общественных организаций. Но все-же совет был переизбран, председателем был избран доктор Гутиев, трудовик, поклонявшийся Керенскому, а заместителем автор настоящих воспоминаний. Июльские дни в Ессентуках вылились в особые формы. Группы КМВ. всегда представляли из себя основное гнездо контр-революции. Сюда приезжали исключительно представители имущего класса. Здесь они тратили, развратничая и устраивая оргии на награбленные у трудового народа деньги; им служили лучшие дома и санатории; для. них строили клубы, рестораны и шантаны; профессора врачи заботились только о них. Газеты: Кавказский край, Пятигорское Эхо служили им и воспевали их. Им-же служили продажные писатели вроде Арцыбашева и др. В общем все служили этим разбойникам. И

больше всего эти господа находились в Ессентуках. Это был котел в котором кипела контр-революция. Не трудно себе представить при такой обстановке, когда еще вдобавок меньшевики и эсеры не стыдились об'явить вождя революции германским шпионом, что здесь творилось после июльского восстания. Все об'единилось: от меньшевиков до Рухлова (царский министр путей сообщения) князей Урусовых, царского министра финансов Шипова, чтобы об'явить большевиков германскими шпионами, в чем они среди своих приверженцев и казачьих верхов успех имели. Важно отметить один позорный для меньшевиков факт относящийся к тому периоду. Сюда приехал из группы единство некто Гидони, Плехановец, нужно правду сказать, человек прекрасно подготовленный начитанный, прекрасный оратор. Чем-же занимался этот талантливый господин?

Он часто читал лекции, особенно в Кисловодске на темы подходящие для публики, находившейся в то время на группах. В его программу входили лекции под названием: „большевики германские шпионы", „большевики изменники родины" „разрушители, изменники революции". Безсовестно и нахально лгал по несколько часов, за вход на лекции брал от 50 коп. до 2 рублей. Приехавшая образованная контр-революция не жалела денег и

Гидони делал в свою пользу полные сборы. После лекций генералитет ему устраивал овации, банкеты и прочее. И Гидони в свою очередь „держал фасон" всегда кутил с генералами и забавлялся с ними в Гранд-отеле на зеленом сукне в преферанс. Итак Гидони вел свою предательскую и контрреволюционную работу почти целый год, ему повезло: некому было выступать и ему возражать и лишь в конце 1917 года появились т. т. большевики в лице тов. Малышина, Андижевскаго, Булле и др. стали выступать и отвечать на его ложь и провокации, но чего они могли добиться в аудитории Гидони! После такой грязной работы, как Гидони так и других ему подобных, станет ясно каково было положение большевиков на группах К. М В. Для характеристики приведу небольшой пример. В августе я проходил по Ессентукскому парку; какой-то толстосум крикнул:

„Вот идет большевик", сразу освободились все скамейки той аллеи, все бросились на расправу. Кого здесь не было? Генералы, офицерство, штатские и всякая сволочь, готовые расправиться самосудом, если-бы не подоспели служащие ресторана парка и часть рабочих группы. При появлении этих 15—20 человек рабочих все трусы разбежались и на „поле брани" остался я один с рабочими невредим. На этой почве в знак протеста дело чуть —

было не дошло до однодневной забастовки. Что-же делал в то время Гражданский комитет! Он поторопился меня пригласить и предупредить, что мне нельзя показываться днем в парке, „ведь Вы волнуете лечащуюся публику, Вы ведь знаете, что, против большевиков всенародное возмущение“, сказали мне там. Гражданский комитет хорошо знал, что я тогда еще не был членом компартии, но разве этим они интересовались, им нужно было избавиться от опасного врага, как они тогда называли. Этот маленький пример, наглядно показывает, как на группах К. М. В. относились к большевикам и в каких условиях им приходилось работать. Следует быть отмеченным то обстоятельство, что рабочие, будучи беспартийными, всецело стали на сторону большевиков и в нужное время им помогали. Ессентуки в то время, это факт, которого отрицать не приходится, были предоставлены самим себе, и никто о них не думал. Правда после свержения царизма сюда прибыли из каторги и ссылки много амнистированных товарищей, из всех политических группировок, которых мы разместили в санатории бывш. корпуса жандармов, но они в местной политической жизни участия не принимали, будучи заняты „ремонтированием“ своего пошатнувшегося здоровья. Правда, находились из них единицы, приходившие нам на помощь, как

например, товарищи Капралов, большевик и Гердзевич, анархист-коммунист, Фигатнер, Буле, и другие (два последние работали в Кисловодске). которые много поработали в особенности по организации профсоюзов. В этом отношении Пятигорск находился в значительно лучших условиях: там раньше существовал довольно солидный интеллигентский марксистский кружок. Здесь группировалось значительное количество большевиков, которые еще работали вместе с социал-демократами. И как-бы не было Сов. Р. и С. деп. находился в руках коалиции социалистов и потому от всего того, что творилось в Ессентуках, Пятигорск был застрахован. Но зато не в лучших условиях находился и Кисловодск. Когда мы находились в таком положении к тому времени началась авантюра генерала Корнилова. К призыву временного правительства отозвались и Ессентуки, мы организовали здесь специальную тройку, называвшуюся „Комитетом спасения революции и отечества“.

В состав тройки входили: от гражданского комитета журналист Сикорский, кадет-монархист, от станичного правления казак-монархист Гаврилов и от Совета Р. и С. деп. Рухадзе, (автор воспоминаний). Комитет своей работой напоминал басню Крылова „Лебедь, рак да щука“ с той разницей, что здесь двое тянулось вместе, а один отдельно;

и получилось так, что вместо спасения революции спасали ген. Корнилова. Видя такое положение, с помощью организованных рабочих, руководство борьбой, против корниловского движения мы взяли в свои руки. Сочувствующая корниловщине, Ессентукская контрреволюция, возглавлялась графом Воронцовым-Дашковым. Офицерская банда, вкупе с „честными" грабителями начала устраивать шествия, к которому примыкал Кубанский войсковой симфонический оркестр Нам удалось арестовать несколько главарей и в том числе графа Воронцова-Дашкова, но станичное правление во главе с атаманом Третьяковым и членом „комитета спасения революции и отечества" Гаврилова, при помощи вооруженных казаков, потребовало их освобождения. Тогда мы обратились за помощью в Пятигорск, который нам дал одну роту 113-го полка при помощи, которой корниловское движение было ликвидировано. В этой борьбе мы совершенно не видели в наших рядах председателя совета, доктора Гутиева. Фактическим пред Совета стал я, что было санкционировано вторым пленумом совета.

Карауловщина.

Для управления Терской областью, после февральской революции, как и в прочие места б. Империи, был прислан член государственной думы,

казак Караулов, который, прибыв в Владикавказ формально заменил нач. области генерала Фон-Баума, (оказачившийся барон). Весь аппарат остался нетронутым, на местах никаких перемен; в большинстве районов полицейские чины не были распущены. За то в городах, Караулов назначил комиссаров временного правительства, помогавших контр-революции, а не углублению и защите революционного правопорядка. Одновременно Караулов усердно взялся за раздробление революционных сил. Во времена его владычества, Терская область переживала небывалую междоусобицу: он поссорил казаков с чеченцами, ингушей с осетинами и началось кровопролитие и истребление друг-друга. Жгли и уничтожали целые станицы и аулы; человеческим жертвам не было счета. Эту резню, Караулов особенно усилил после октябрьского переворота. В эту междоусобицу он старался втянуть крестьян иногородных. Эти ужасы продолжались бы еще долго, но гнев народных масс воздал Караулову по заслугам. Возвращаясь с своим братом с железнодорожного Викжелевского с‘езда, состоявшегося в Кисловодске в конце 1917 или начале 1918 г.г. (если не ошибаюсь) Караулов был убит на станции Котляревская Уфимской ополченской дружиной при участии измученных им трудящихся масс.

В Владикавказе в то время бывать мне не приходилось, но из газет видно было, что там зам. председателем Совета Р. и С. депутатов состоял тов. М. Орахелашвили. Из целого ряда статей и речей, печатавшихся, тогда в Терских газетах ясно было, что он непоколебимый большевик, взявший линию за власть Советов, за полное торжество трудящихся. Особенно работа его усилилась, после июльских дней; его речи и статьи с удовольствием читались всеми трудящимися. На Тереке наверно находились не менее выдающиеся коммунисты к сожалению которых я не знал тогда. Но потом, т. Орахелашвили не стало, куда-то уехал, как потом выяснилось, тов. Орахелашвили уехал в Грузию. и там остался.

Приблизительно в этот период, в Пятигорск прибыла с фронта группа большевиков, из которых выделялись такие фигуры, как тов. Малыгин, Булле, Анджиевский, Фигатнер и др. Эти товарищи явились первым большевистским ядром Пятигорья, вокруг которых об'единились все остальные принявшие большевистское мировоззрение товарищи: Шушаник, Тюленев, Залит, Крупенек, Гульбе, Поддубный, Леонов, Глущенок, Пащенко, Кунцов, Тронов, Савгиров, Погорелов, Ксионда, Миллер, Янышевский, Петроградский Евсей, Рихтерман, Сорокин и другие, и таким образом, получилась со-

лидная большевистская группа. Следует отметить, что тов. Малыгин, впоследствии погибший в числе 26 Бакинских комиссаров, являлся одной из крупных величин, первоначальной большевистской группы Пятигорья. Заслуга тов. Малыгина в том, что именно он дал большевистской партии такого человека, как тов. Анджиевский, который впоследствии стал руководителем пролетарской диктатуры Пятигорского округа и, я сказал-бы, Терской области. О тов. Анджиевском вспомним ниже.

Октябрьский переворот

Грянул, как гром; все контр-революционные силы мобилизовались, против октября. Усилились гонения и расправы над большевиками. Господин Гидони пополнил свою программу и усилил чтение контр-революционных лекций. Реакционные Есентуки пополнили свои кадры из Питера и Москвы. Нужно было быть твердым большевиком, чтобы, слушая все ужасы, якобы творимые большевиками, не сбиться с позиции. Кое-где имели место колебания. В то время, если память мне не изменяет, зам. пред. Пятигорского меньшевистско-эсеровского Совета состоял тов. Анджиевский, первый бросивший лозунг „Вся власть Советам“, сочувственно встреченный всеми трудящимися Пятигорья.

Перед Ессентукским Советом первоочередной задачей являлась ликвидация гражданского комитета. Сначала мы отозвали оттуда своих представителей, а затем представителей некоторых общественных организаций. Несмотря на это, засевшие там два самозванца: именующий себя комиссаром временного правительства госп. Ткешелашвили и его секретарь некий Лавринович, не сдавались, распоряжаясь и действуя от имени временного правительства. Под конец своего существования, они выкинули очень интересную провокацию. Как везде так и здесь начались продовольственные волнения, несмотря на то, что особенной нехватки не наблюдалось. Совет хотел это волнение направить в совершенно другое русло. Хитрый Ткешелашвили, предвидя это, встал сам во главе движения, сгруппировав вокруг себя погромно-настроенную массу, особенно женщин; он им говорил: „на что Вам большевики и Советская власть? они Вас обманивают, а я все устрою, раздам все что есть, а потом Бог еще даст“. Сначала он открыл продовольственный склад, толпа хлынув туда в безпорядке стала набивать мешки. Сильные набрали больше, а слабые остались без дележки. Затем пошли искать мануфактуру. У кого-то нашли ее. Началась драка и в результате мануфактуру уничтожили. Отмечаю, что рабочие в этом погроме

участия не принимали. Далее Ткешелашвили и Лавринович созывают заседание с участием „распределителей“ продовольственных складов и открывает его от имени гражданского комитета. Когда же ему указали, что комитет уже не существует, он обратившись к собравшимся сказал: „вот Вам большевики, не хотят трудовой власти! Разве мы не трудящиеся? Раздались голоса: „долой, долой, да здравствует Иван Софромович (Ткешелашвили), наш кормилец, наш отец“. За эту провокацию Ткешелашвили вполне заслужил звание основоположника фашизма на Тереке и предтечи Муссолини. Необходимо отметить, что станичное правление действиями И. С. Ткешелашвили также осталось недовольно, и в свою очередь стало, также против гражданского комитета. Здесь мы нашли общий язык, но казачество думало расчитаться с гражданским комитетом, а затем с Советом—а мы думали наоборот: избавиться от клина, и потом взяться за станичное правление. Кто кого подвел, скажем ниже. Дело дошло до ареста Ткешелашвили и Лавриновича, иначе невозможно было их ликвидировать. Таким образом, вся власть перешла к станичному правлению, а Совет ушел в подполье.

Не в лучшем положении находился и Кисловодск, хотя к нам собралось к тому времени достаточное число большевиков, но в свою очередь со-

бралась огромная рать контреволюции: много военщины, некоторые из бывш. великих князей, быв. императрица Мария (мать Николая) и другие господа из этого же лагеря. Я был очевидцем организованного военщиной шествия в военном строю в честь монархии. Были случаи избиения ими рабочих и арестов и избиений солдат за неотдание чести. Дело дошло так далеко, что всем известный Гидони запротестовал и, тут-же, кто-то из монархической братии дал ему пощечину. Пятигорские большевики, возглавляемые тов. Анджиевским боролись за захват власти; настроение широких масс трудящихся было на стороне большевиков, но засевшие в Совете меньшевики и эсеры, воспротивились этому. Они очень боялись власти рабочих. Между тем кровавая распря в Терской области достигла крайных размеров и это обстоятельство заставило социальные группировки Владикавказа задуматься. Отсюда начинается организация т. н. социалистического блока, который взял на себя инициативу созыва 1-го Терского народного с'езда —в Моздоке. С'езд собрался, если не ошибаюсь в конце 1917 или в начале 1918 года. Основными вопросами с'езда были: мир между национальностями и признание власти Советов. Все шло хорошо, большинство высказывалось за мир и за власть Советов. Конечно и здесь оказались сто-

ронники учредиловки, но они были в меньшинстве. Когда был поставлен вопрос о земле, то стало туго. Представители казачества стояли за власть Советов, за признание Совнаркома, но заявили: казачьих земель не трогать, они наши. При таком положении самые существенные вопросы с'езд не смог разрешить и не закончив работ, закрылся. Вслед за этим, был назначен второй с'езд в феврале в Пятигорске. Не помню точно, до этого с'езда или в конце его работ, Пятигорские большевики одержали победу, захватили власть в свои руки и во главе стал тов. Анджиевский. На втором с'езде в Пятигорске, председателем избрали тов. Такаева, тов. предс. тов. Анджиевского. На этом с'езде не присутствовали представители Чечни и Ингушетии. На повестку дня опять были поставлены вопросы о мире между национальностьями, о признании власти Совнаркома и земельный вопрос. На с'езде присутствовал тов. Киров, выступавший по всем важным вопросам. Гегемония на с'езде перешла в руки соц. блока; затем на с'езд прибыли представители Чечни и Ингушетии и с'езд представлял все народности Терской области. В это время противники тоже не дремали: казачьи верхи самочинно собрались в Владикавказе. С'езд об'явил их своим постановлением незаконным собранием. Они долго ссорились, ругались и не при-

дя ни к каким результатам разошлись. С'езд-же разрешил все вопросы, избрал Областной Совет и Совнарком. Председателем Совнаркома был избран товарищ Пашковский (лев. эсер), земледелия тов. Буачидзе, труда меньшевик Богданов, или Бутягин, здравоохранения эсер доктор Орлов. В состав Терского народного Совета входили представители всех народностей и политических групировок и он был похож на избранный по четырехвостке. Председателем народного совета состоял всем известный Ахмет Цаликов, долгое время околпачивавший горские племена. Впоследствии Предсовнаркома стал всеми любимый т. Буачидзе. Здесь тоже образовалась пятерка: 2 коммуниста, 1 интернационалист, 1 эсер-черновец и 1 заядлый меньшевик. При выборах Совнаркома политические групировки пятерки без друг-друга не выставляли кандитатов, вследствие чего создавался кризис власти. Впоследствии один из этой пятерки Богданов, сбежал к меньшевикам в Грузию и вел борьбу против Советской власти. Отсюда ясно, почему Пятигорский Совет, взявший курс за диктатуру пролетариата, не подчинялся Терской областной народной власти, что вызывало прения и разногласия, доходившие иногда до серьезных конфликтов.

После октябрьского переворота и захвата власти Пятигорским Советом, Ессентукским Советом

главное внимание было обращено на подготовку почвы для захвата власти в Ессентуках и в этом направлении шла лихорадочная работа. Нам нужно было пополнить наши ряды двумя элементами: представителями от солдат и от крестьян. Но в этом вопросе затруднение было в том, что в Ессентуках воинские части не стояли. В начале 1918 гогода нам удалось сорганизовать вернувшихся с фронта солдат и нами были использованы существовавшие между иногородним населением и казаками разногласия, на почве землепользования. Казаки—хозяева не хотели делить землю с крестьянами, мы же при помощи солдат-фронтовиков повели агитацию, за бесплатную раздачу земли, что способствовало углублению конфликта между казаками и крестьянами. Иногороднее население группировалось вокруг школы для иногородних, сделав ее центром своих действий. Главную роль и самыми активными были крестьяне: Новиков фронтовик и Егоров (после падения Советской власти повешен шкуринцами), учитель Сергеев; солдаты с фронта: Бардаков, Посохов, Карпов и др. К этим т.т. присоединились два трудовых казака: т. т. Горепекин и Михаил Старицкий. Эти два последние с‘умели перетянуть на свою сторону небольшие группы, чисто трудовых казаков.

Таким образом, образовалось два фронта с од-

ной стороны казачество, руководимое станичным правлением и защищающее интересы имущих, а с другой крестьянство в союзе с трудовыми казаками. Далее казачество руководимое верхами окончательно отказало крестьянам в праве пользования землей; крестьяне созвали общее собрание во дворе иногороднего училища, где после бурного заседания выбрали своих представителей в Совет Р. и С. депутатов, куда вошли вышепоименованные казаки и крестьяне. Мы продолжали работу по углублению разногласий и в феврале 1918 года в здании иногороднего училища было нелегально созвано совещание представителей рабочих, крестьян, казаков и фронтовиков на котором обсуждалось два вопроса: первый о захвате власти и второй о выборах нового Совдепа. По первому вопросу без прений постановили—власть захватить; по второму состоялись выборы Совдепа из 17 товарищей, председателем которого был избран автор воспоминаний и секретарем учитель Сергеев. Интересен перелом, происшедший с ним. Выше мы описали забастовку и штрейкбрехерскую организацию возглавлявшуюся Глазовым и Сергеевым, последний стал активным сторонников Соввласти и коммунистом. После выборов исполкома (заседание затянулось до двух часов ночи) здание иногороднего училища неожиданно было оцеплено казаками, преимущественно

стариками во главе с атаманом станицы Швединым, вооруженные винтовками, пулеметами, привезли несколько ящиков патронов и об'явили нас арестованными. Находившийся среди них брат бывш. атамана и другие требовали расправиться с нами на месте. Положение стало отчаянным. Атаман станицы Шведин держал себя прилично и удерживая сбесившихся казаков сказал, что в Пятигорске Анджиевским арестованы наши братья—казаки, пока их не освободят, вы будете у нас сидеть, а если их там расстреляют, то эта участь постигнет и Вас. Короче говоря, нас об'явили заложниками. В ответ на это я предложил им выбрать двух делегатов для поездки в Пятигорск, которые поведут переговоры, поеду я и Сергеев и добьемся их освобождения. Хотя многие казаки были против этого предложения, но оно было принято. На следующий день, делегация явилась в Пятигорск к тов. Анджиевскому, передала ему о случившемся и просила, если можно освободить казаков.

Признаться, я не особенно беспокоился об освобождении кого-либо, нужно было вырваться из когтей и главной целью поездки в Пятигорск было получение помощи вооруженными силами с целью взятия Ессентуков. Тов. Анджиевский дал обещание помочь и на третий день назначил совещание с командующими вооруженными силами Не-

живясовым, на котором было постановлено взять Ессентуки с помощью Пятигорских вооруженных сил. Не помню точно 27 февраля или 27 марта 1918 года; революционный отряд под командой Неживясова повел наступление на Ессентуки и подошел к раз'езду, Золотушка в 4-х верстах от Ессентуков. Казачество хотело сначала сопротивляться, но потом решили послать депутацию и об'явить о покорности. Так и вышло. Без сопротивления мы вошли в город и об'явили Советскую власть. Нужно было приступить немедленно к организации Советского аппарата и одновременно приступить к разоружению казаков. Собрал членов исполкома разбил их на разные комиссии. Закипела работа. Заняли дом Зипалова, бывш. гостиницу Метрополь, где разместился первый Советский аппарат Ессентуков. На второй день после об'явления Соввласти, устроили первое легальное заседание Совета и Исполкома где произвели дополнительные выборы Исполкома и назначение Зав. отделами. Предисполкома остался Рухадзе, секретарем Сергеев, отд. Земледелия Новиков, администратывным Гердзевич, продовольственным Кудинов (эсер), случайно, погибший от пули своего товарища, военным комиссаром Бардаков, нач. милиции Егоров, комендантом станции Ессентуки Соболева, финансовым отделом т. Р. Пешкова, зав. другими отде-

лами, к сожалению, не помню. Одновременно с организацией соваппарата, шла лихорадочная работа по разоружению казаков и вместе с тем организация своей вооруженной силы. В течение двух дней мы имели революционный вооруженный отряд в 600-700 человек во главе которого был поставлен тов. Посохов. В разоружении казачества и организации вооруженных сил активное участие принимали т. т. Бардаков, Посохов, Егоров, Парсегов, Безусов и другие. Отряд и его штаб был размещен в санатории Вера в доме всем известного помещика Дедюшкина.

Казачество разоружилось, но оно нам сдало около тысячи винтовок, из них больше половины негодных, а по имеющимся сведениям у них имелось их до 10.000 штук. Это обстоятельство заставляло нас быть готовым ко всяким случайностям. Хотя все иногороднее население стало на сторону Советской власти, за исключением, конечно, богатых, но оно не было вооружено, а отчасти пасивно. Интересно отметить, что как только произошла советизация Ессентуков, господа генералы и офицерство моментально переоделось в казачьи одежды и стали казаками. Нужно отметить, что после захвата власти 15 человек рабочих и крестьян сидевших в исполкоме, несмотря на их неопытность и плохую подготовленность, честно ис-

полняли возложенную на них пролетарской революцией ответственность, все это делалось без партийного руководства ибо коммунистическая организация в Ессентуках в то время не существовала. Лично я руководивший всей этой работой был облечен большим доверием Пятигорской организацией Компартии несмотря на то, что именовался членом организации интернационалистов Линдовцев. В июле или августе, после захвата власти, в Ессентуки приехал тов. Блок, для организации компартии, которую он сорганизовал, но туда вошли исключительно новые люди без всякой политической подготовки и имело место вступления в организацию случайных людей, преследующих определенные цели. По сформировании в Ессентуках власти и организации своих вооруженых сил, Непивясов с своим отрядом и штабом двинулся на Кисловодск, для занятия его. В отряде Непивясова и в особенности его штабе находились люди с плохим прошлым, творившие во время своего пребывания в Ессентуках много безобразий. Кисловодск Непивясов занял без сопротивления. Мне известно, что до советизации в Кисловодске в Совет входил тов. Фигатнер, оставивший Кисловодск из за разногласий с товарищами по вопросу о захвате власти и тактики после чего он уехал в Владикавказ. Подробности этих разно-

гласий мне неизвестны, но разговоров об этом было много. После советизации Предисполкома в Кисловодске был избран рабочий—металлист тов. Тюленев, устойчивый и решительный коммунист. После советизации трех главных городов Пятигорья, власть советов роспространилась на остальные города и станицы, среди которых находился продовольственный и отчасти промышленный центр, Георгиевск.

Политические условия Кисловодска были значительно лучше Ессентуков, там раньше сформировалась Коммунистическая организация, которая руководила событиями. В апреле, перед пасхой из Ессентуки прибыла гаубичная баттарея Неживясовского отряда под командой Смирского (кажется, бывший полковник, эсер), который мне передал следующее: Командующий войсками Пятигорского округа Неживясов решил об‘явить личную диктатуру, разогнать советы, арестовать и расстрелять всех председателей Исполкомов и советов, причем показал мне список подлежащих расстрелу, среди которых значился и я. Кто помнит времена Наживясова при котором прославился термин „под Машук пойдешь“ тот скажет, что от Неживясова всего можно было ожидать. Разумеется, нам Ессентучанам не было возможности сопротивляться и помешать намерениям его, т. к. в распоряжении Не-

живясова находилась целая армия, около десяти тысяч человек, а в нашем распоряжении всего 600 человек, из них более половины сторонников Неживясова. Да к тому еще отряды, вообще, любили его за то, что Неживясов ничего им не запрещал, вплоть до грабежа, а это было большим соблазном. Находились и здоровые элементы, но они были в меньшинстве и ничего не могли сделать. Впоследствии выяснилось, что замыслы Неживясова были вызваны следующими причинами: вокруг Неживясова, в особенности в его штабе собрались подозрительные лица, толкавшие его на ложный путь. Сам Неживясов по профессии сапожник политически безграмотный и неразвитой очутился под влиянием своих советников. Когда был об'явлен декрет об организации красной армии и приступили к его осуществлению, Неживясов стал категорически возражать, не желая подчиняться декрету; никакие уговоры на Неживясова не действовали.

Его советники настраивали его против декрета и советов, чувствуя, что в Красной армии им места не будет. На первый день пасхи по прямому проводу меня вызвал к аппарату Неживясов и приказал немедленно разоружить гаубичную батарею, арестовать комсостав и доставить его к нему. Я напомнил ему о том, что ему неудобно приказывать Исполкому и просил подождать до

следующего дня пока я выясню этот вопрос и т. д. Неживясов был категоричен, пригрозив, что в случае неисполнения им будут двинуты на Ессентуки войска и он там камень на камне не оставит. После вторичной моей просьбы он дал мне для исполнения шестичасовый срок. Я немедленно, после этого, связался по прямому проводу с Владикавказом и хотел об этом передать лично тов. Буачидзе, предсовнаркома, но он за неимением времени прислал к аппарату Наркома по военным делам тов. Бутырина, которому я передал о случившемся. Последний переговорив с тов. Буачидзе дал следующие директивы: держаться до второго дня, не сдавать гаубичную батарею и мобилизовать все силы для защиты Ессентуков и сообщил, что тов. Буачидзе выезжает сегодня с отрядом и броне-поездом и послана телеграмма Главкому Северо-Кавказской армии т. Автономову, который также прибудет с броне-поездом.

Не теряя времени, я передал обо всем командиру батареи тов. Смирскому, выступившему немедленно для занятия удобных позиций, с имевшейся у него сотней бойцов, обслуживающих батарею и прикрывавших ее. Я-же отправился в штаб Ессентукского отряда. К этому времени к нам на автомобиле прибыли тов. Анджиевский и Родзевич (эсер), последний председатель Пятигорского окруж-

ного совета, которые передали нам о надвигающихся событиях. Я выступил на собрании отряда и познакомил его с намерениями Неживясова, призывая поддержать Советскую власть и исполнять распоряжения правительства.

Выступил Родзевич, которому не дали говорить. Наше заявление об измене Неживясовым Советскому правительству вызвало возмущение и желание расправы. Момент стал критическим, тов. Анджиевский и Родзевич на автомобиле уехали (оставаться было очень опасно). Оставшись в отряде один я убеждал, призывал, угрожал репрессиями, но убедить их стало трудно, ибо они хотели лично выяснить создавшееся положение путем посылки делегации к Неживясову. Тут сказалось влияние сторонников Неживясова из числа людей нашего отряда. В виду этого, я с 80 человеками преимущественно рабочими, среди, которых преобладали т. н. „пришельцы“ отправились на фронт, для прикрытия батареи. Занимаемая нами позиция, была весьма удобной и на ней можно было долго держаться. Начало темнеть. Врага не видно. Что творилось в Пятигорске в тот день нам узнать не удалось. На утро заметили паровоз, направлявшийся в сторону Ессентуков. Наш часовой остановил паровоз, в котором оказались члены Совнаркома, т. т. Фигатнер и Андреев, позвавшие

меня к себе и сообщившие радостную весть о нашем спасении и о занятии Пятигорского вокзала броне-поездами т. т. Буачидзе и Автономова и о необходимости двинуться совместно в Пятигорск. Тут-же выяснилось, что Неживясов, на первый день пасхи открыл склад водочной монополии и устроил большое празднество, на котором его братия изрядно перепилась, что спасло Ессентуки от его наступления. Узнав об этом, батарея и отряд немедленно двинулись на Пятигорский вокзал, где увидели броне-поезда т. т. Буачидзе и Автономова. Энергия наша утроилась и мы жаждали скорее расправиться с заговорщиками. Здесь я впервые увидел тов. Буачидзе, узнавши кто я он расцеловался со мной и высказал радость, что в моем лице из простого работника видит истинного борца и защитника Советской власти. Выяснив какими силами мы располагаем и напомнив о необходимости расправиться с врагом пока он пьян, мы выработали вместе план действий и вышли из вокзала. Здесь-же был тов. Оскар Лещинский инструктор по организации Красной армии, лично руководивший разоружением неживясовцев (тов. Лещинский погиб в 1919 г. в Дагестане от руки палача). Разоружение неживясовцев шло успешно, все хорошо действовали. Из Ессентукского отряда особенно отличились два матроса, братья До-

рофеевы, Бирюков, Касаниди (казнен шкуринцами в 1919 году в Ессентуках) Хапилин и др. Неживясовцы, растерявшись сдавались. Сам Неживясов узнав об этом и видя, что выхода нет явился сам в вагон к Предсовнаркома т. Буачидзе, из'явил покорность и готовность защищать Советскую власть. На вопрос тов. Буачидзе почему он по прямому проводу угрожал Пред. Ессентукского Совета Рухадзе, он ответил что был пьян и не помнит содержания разговора. Здесь-же т.т. Буачидзе и Автономов, составили приказ по гарнизону о подчинении требованиям власти, который заставили Неживясова подписать, после чего комендант броне-поезда тов Макс по приказанию тов. Буачидзе разоружил Неживясова и об'явил его арестованным. Почти весь город был разоружен; сопротивление оказала пулеметная команда, догадавшаяся, что приказ о подчинении исходил не от Неживясова и требовала, чтобы Неживясов сам приехал, тогда сдадутся. Увидев, что дело приняло такой оборот, тов. Буачидзе лично направился к пулеметной команде. Там его арестовали и об'явили заложником до той поры, пока Неживясов не будет освобожден и угрожали ему расстрелом. Больших усилий стоило выручить тов. Буачидзе. Наконец разоружили пулеметную команду и весь штаб Неживясова был арестован. Все советские учреж-

дения были нами заняты, по городу ходили наши патрули и в нем хозяевами стали мы. Ни Председателя Совета, ни Председателя исполкома в то время в городе не оказалось, они, тов. Анджиевский и Родзевич прибыли после окончания операций. Вечером состоялось совещание, которое обсудило действия Неживясова и приговорило весь штаб и самого Неживясова к расстрелу и в ту-же ночь приговор был приведен в исполнение. Остались кое-где сторонники Неживясова, но они постепенно вылавливались. Так окончилась карьера Неживясова.

Все-же следует отметить, что в 1918 году в Советизации Пятигорья, главную роль сыграл Неживясов. Ведь без вооруженной силы ничего нельзя было сделать, а эта сила находилась в руках Неживясова и он первый создал революционный отряд. По моему мнению, виноваты и мы: не смогли во время поставить Неживясова под влияние партии—и тем самым бросили его в об‘ятия всевозможных авантюристов, погубивших его. Наши товарищи, я сказал-бы, иногда баловали Неживясова. Например, когда он самовольно снялся с Ростовского фронта и прибыл в Пятигорск ему устроили встречу и подносили цветы, вместо того, чтобы судить его, как дезертира. Целый ряд подобных явлений способствовал тому, что Неживя-

сов осмелился поднять руку на Советскую власть. По ликвидации этой авантюры, население освободилось от страха и ужасов, творимых Неживясовым под Машуком, а тов. Лещинский приступил к организации Красной армии. Дело было трудное, т. к. создавать ее приходилось из остатков неживясовцев. Закончив участие в работе по установлению порядка в Пятигорске, я вернулся в Ессентуки, где тов. Буачидзе просил созвать митинг и пригласить всех проживающих в Ессентуках генералов, а их было очень много и среди них выделялись фигуры Рузского, Радко-Дмитриева, Мухранского и других. На третий день т. т. Буачидзе и Булле прибыли в Ессентуки, открыли митинг, в порядке дня которого стоял вопрос о наступлении немцев на Ростов и об организации вооруженных сил для сопротивления. Тов. Буачидзе обратился к митингу в особенности к казакам и призывал их поддержать правительство. Против нашествия немцев выступали Рузский и Радко-Дмитриев и другие, а также казачество, которое готово было, якобы бороться против немцев, не забывало о себе и как это им было свойственно, нападали на правительство в особенности по вопросам землепользования и экспроприации буржуазии. По окончании митинга тов. Буачидзе устроил частное совещание с генералами Рузским и Радко-

Дмитриевым по вопросу об использовании их, как специалистов военного дела, но они от работы у нас отказались. Дав мне директивы, для дальнейших переговоров с ними тов. Буачидзе уехал. В начале мая или июня, один молодой казак, фамилии коего к сожалению не помню, сообщил мне, что в Кисловодске в одном табачном магазине устроился на службу полковник Шкуро, тайком работающий над вербовкой казаков, для борьбы с Советской властью. Я немедленно сообщил об этом председателю Кисловодского исполкома тов. Тюленеву. Сообщение оказалось правильным. Т. Тюленев арестовал Шкуро и по требованию вышестоящих органов, отправил в Владикавказ. Нужно сказать, что Тюленев, я и другие тов. хотели на месте покончить с Шкуро, но не смогли этого сделать вследствие приказа свыше. Шкуро был отправлен в Владикавказ, где друзья его много поработали и добились его освобождения. Мало того, дали ему широкие полномочия для организации казачьих отрядов для борьбы с немцами. В Кисловодске и Ессентуках товарищи остались очень взволнованы освобождением Шкуро. Через короткое время тот-же самый молодой казак сообщил, что Шкуро готовит из казаков контр-революционный отряд и на днях начнет действовать. Я немедленно об этом донес предс. окружного Совета

Родзевичу (эсер), который не верил нам и очень часто присылал и назначал в наши отряды шкуринских офицеров, иначе быть не могло т. к. военруком при Родзевиче состоял полковник Агоев, за которого Родзевич горой стоял, а впоследствии Агоев при Бичераховском правительстве в Моздоке играл видную роль, ведя в борьбу с нами. Вслед за этим поступило донесение, что в станице Бургустанской, в 28 верстах от Ессентуков, Шкуро начал мобилизовать казаков. Эти сведения подтвердил прибывший из Бургустана трудовой казак. Вместе с этим казаком я поехал в Пятигорск, и доложил обо всем окружной власти. Характерно следующее явление, имевшее тогда место. Во главе Пятигорского исполкома стоял тов. Анджиевский большой революционер, а во главе окружного Совета—эсер Родзевич, от которого зависело многое, благодаря чему в серьезные моменты получались противоречия. Наконец, заставили Родзевича убедиться и он, дав согласие действовать, распорядился Ессентукским отрядом начать наступление на Бургустан, обещав что из Пятигорска и Кисловодска немедленно выступят нам в помощь вооруженные силы. К сожалению, обещание это было не исполнено, что традиционно для Родзевича. К вечеру мы одни подошли к Бургустану. Разведка донесла, что Шкуро уже производит мобилизацию.

Наш отряд немедленно ворвался в станицу и занял ее. Шкуро сбежал и скрылся в Ореховой балке, захватив с собой несколько казаков. На следующее утро прибыло из Кисловодска подкрепление, 12-15 человек конных под командой тов. Марцинкевича, а немного позже из Пятигорска, сто бойцов с двумя гаубичными батареями под командой тов. Янышевского. Приступили к труске Ореховой балки. Разведка сообщила, что Шкуро ночью уехал в станицу Суворовскую в 30 верстах от Бургустана и там производит мобилизацию. Нам нужно было усилить конный состав, иначе трудно было выловить врага. Для этой цели созвали станичный круг ст. Бургустанской, на котором ознакомили казаков с положением и призывали их совместно бороться против бандита Шкуро. Казаки дали согласие и выделили сто человек конных казаков под командой урядника. К вечеру мы уже повели наступление на станицу Суворовскую; конница под командой тов. Марцинкевича пошла вперед. Под утро часа в три или четыре, к нам пешком прибежал один из бойцов отряда тов. Марцинкевича и передал следующее: когда, конница подошла к станице, казачий урядник скомандовал: „красные сдавайтесь“, красных то было 12-13 человек, а казаков сто чел. Тов. Марцинкевича ранили саблей в плечо, но он не растерялся и ус-

пел бросить в них имевшиеся у него бомбы, многих поранил, благодаря чему казаки разбежались, а наши конные уцелели. Раненного т. Марцинкевича отправили в Ессентуки. Позднее под утро наша пехота и артиллерия также подошли к Суворовской. Разведка установила, что Шкуро действительно производит в станичном правлении вербовку казаков. Спустя некоторое время, к нам прибыл для руководства операциями и командования фронтом полковник Ярошевский (кажется эсер) человек спокойного и серьезного характера, которому мы фронт вручили. Узнав, что Шкуро в станице, тов Ярышевский, я и не помню кто еще был с нами, на автомобиле ворвались в станицу, для поверки действительности и криком „сдавайтесь" наделали там панику. Шкуро бежал оттуда, захватив с собою до 400 человек. Этот героизм мог нас погубить, т. к. Шкуро мог захватить нас в плен, но к нашему счастью он не знал чем мы располагаем Наш отряд подошел вплотную к станице и тов. Ярошевский вызвал все население на площадь, пред'явив к нему необходимые требования, а власть от станичного правления вручил крестьянам. Здесь выяснилось, что Шкуро отступил в сторону Баталпашинска, в станицу Бекашевскую. Тов. Ярошевский вместе с нами осмотрел место, выработал план действий и занял

все стратегические пункты, после чего я выехал в Ессентуки, а во главе Ессентукского отряда, если не ошибаюсь, оставил т. т. Посохова и Бардакова. Прибыв в Ессентуки я узнал, что среди казаков началось брожение и в отдельных случаях выступления, что и следовало ожидать на почве дележа земли, вследствие вызывающего поведения по отношению к казачеству со стороны некоторых наших товарищей; а эти причины, являлись почвой, для работы, застрявшей в Ессентуках, контрреволюции. Нельзя умолчать и о том, что к нам примазались многие подозрительные элементы: одни с целью обогащения и наживы, а другие с целью разложить наши ряды. Агитационный способ успокоения не всегда давал результаты и приходилось прибегать при помощи рабочих организаций к вооруженной силе. В четыре часа утра следующего дня по полевому телефону с фронта передали, что тов. Ярошевский с двумя батареями и сотней бойцов Пятигорского гарнизона отправился по направлению к станице Бекашевской; нам приказано не оставлять позиции; погода неблагоприятная, связь плохая, слышна орудийная стрельба и о судьбе отряда тов. Ярошевского ничего не известно. Почувствовав неладное, делаю соответствующие распоряжения и посовещавшись с членами исполкома, оставив нужные директивы, в сопровождении това-

рищей, немедленно выехал в Суворовскую. На фронте узнал печальные подробности. Тов. Ярошевский с отрядом отправился в ст. Бекашевскую чтобы изгнать оттуда Шкуро. По пути, в горах многочисленная банда напала на отряд. Произошел кровавый бой и бойцы отряда в нем все до одного полегли; погиб и тов. Ярошевский; батареи и оружие достались противнику; труп самого тов. Ярошевского, был взят противниками. Ессентукский и Кисловодский отряды, кажется, под командой тов. Янышевского, узнав об этом выступили в погоню за врагом. Противник увозивший на волах наши батареи, был обогнан. Вновь начался бой с бандитами, среди которых было много офицеров.

Противник лез как саранча. Наши люди боролись как львы; в результате банда была на голову разбита, выручены батареи и взяты кое-какие трофеи. Нужно было спешно отступать ввиду возможности нападения на нас с тыла со стороны Суворовских и Бургустан казаков, и мы заняли новые позиции между Суворовской и Ессентукской станицами и путем посылки нарочного сообщили окружной власти, прося помощи вооруженной силой и назначения командующего фронтом. В связи с этим к нам на фронт приехал Родзевич с генералами Пашковским и Мадридовым, знакомились с местными условиями и позициями, а затем Род-

зевич приказал сдать командование генералам. Вышло так: боролись с Шкуро, а против него командирами назначали шкуринских генералов. Мы дерзнули, не подчинились приказу Родзевича, категорически отказались сдать фронт генералам. Рассердившись Родзевич угрожал нам за ослушание расстрелом и даже пытался разделаться с нами при помощи нашего отряда, но это ему не удалось и он пригрозил, что призовет на помощь китайские отряды, но из этого тоже ничего не вышло (интересно откуда Родзевич мог взять китайские отряды) тогда он согласился на наше требование и назначил командующего фронтом тов. Меликова, коммуниста, в помощь которому дали верного солдата революции тов. Янышевского. Фронт постепенно стал принимать серьезный характер, приближаясь к Ессентукам были вырыты окопы. К этому времени в помощь нам прибыли Георгиевский и Минераловодский отряды, и комиссаром фронта был назначен эсер Хохлов, ранее заведывавший окружным финотделом. Бойцы были плохо одеты, питание их тоже не стояло на соответствующей высоте. Они потребовали улучшения своего положения. Хохлов плохо их понял, относясь отрицательно ко всем требованиям бойцов. Это создало тенденцию у Георгиевского и Минераловодского отрядов сниматься с фронта, и

оголять его. Узнав об этом я немедленно довел до сведения окружной власти о происходящем, а сам отправился на фронт и с согласия тов. Хохлова об'явил об освобождении его и обязанности комиссара взял на себя и обещал бойцам, что все их требования буду выполнены (а требования были очень нескромны) и, таким образом, фронт был удержан. Немедленно дали фронту обмундирование, улучшили питание, прибавили кое-что к снаряжению и положение стало устойчивым. Но здесь произошло следующее: как выше было сказано на третьем с'езде Терских народностей по основным вопросам организации власти произошел раскол. Эсеры и сочувствующие им правые эсдеки, перебрались в Моздок и организовали там новое правительство во главе всем известным Бичераховым и бывшим городским головой г. Пятигорска, эсером Л. Орловым. Это эсеро-меньшевистское правительство сорганизовало из казаков вооруженные силы и поведя наступление на север взяли ст. Прохладную и ворвались в г. Георгиевск в тот момент, когда там происходил рабочий с'езд Пятигорского округа, но не надолго. Рабочие Георгиевска выбили их из города и гнали до Прохладной, которая на третий день была также обратно взята. Узнав о том что белые банды побывали в Георгиевске, Георгиевский отряд заволновался, требуя отправ-

ки для расправы с Бичераховцами. В связи с этим на фронт приезжал тов. Булле, убеждал всячески георгиевцев не сниматься с фронта, но ничто не помогло: они снялись и уехали в Георгиевск. Таким образом, вся тяжесть защиты Ессентуков легла на Ессентукский отряд и рабочих. Кисловодский отряд охранял свой город также находившийся под угрозой нападения банд Шкуро. Пятигорск не мог дать достаточной силы для защиты Ессентуков, потому, что окружающие его казачьи станицы волновались и ему нужно было быть на чеку.

Ессентукский фронт, приобрел военно-стратегическое значение, т. к. из Баталпашинска через Бургустан и Суворовскую лежит прямой путь до Ессентуков, заняв которые лёгко взять Кисловодск и Пятигорск. Кроме того, Ессентуки могли дать Шкуро людской материал в лице казаков и прятавшегося среди них офицерства, потому он свои удары, главным образом, направлял на Ессентуки и его отряд называвшийся „волчьей сотней" состоял из бывших офицеров и урядников и будучи конным, давал ему большие преимущества во время партизанских набегов, но в открытый бой он редко вступал. В это время, местная контрреволюция способствовала углублению недовольства среди населения, устраивала грабежи, убийства и

насилия и все эти мерзости приписывали красным, ведя агитацию против власти и, в общем, готовили почву для Шкуро. Это положение создало, вдобавок, к внешнему еще и внутренний фронт и мы не знали когда и откуда на нас последуют удары. В конце июля, или начале августа, стало заметно некоторое затишье и в это время, к нам в Ессентуки прибыл из Невиномыской на помощь, отряд под командой тов. Шаповалова, имевший в своем составе понемногу, все роды оружия в том числе и кавалерию, которую мы разместили в бывш. казачьих казармах. Ночью неожиданно, на спящих кавалеристов напала казачья банда, (вероятно из местных) и несколько человек зарезали. Это был сигнал для восстания и открытия действий местных контрреволюционеров, а Шкуро стоял у ворот города. Принятыми энергичными мерами, при энергичном участии нач. штаба отряда т. Оксмана и его личной храбрости план реакционеров был парализован. Шкуро поджидавший около Дубровки (маленький лесок) вблизи „Белого угля" вместо помощи своим бандитам сам сбежал в Бургустан. Нападение на кавалерийский отряд вызвало сильное возмущение среди красноармейцев, требовавших отомщения противнику. Волнение было до того сильным, что остановить его не было возможности. Красноармейцы, во главе с командиром Шапова-

ловым, выступили на улицу, бросили несколько бомб в станичное правление, вызвавших пожар, убили несколько первых попавшихся им казаков и стали производить аресты. К полудню нам удалось успокоить красноармейцев и население. В связи с происшедшим в Ессентуки прибыл командовавший тогда войсками округа молодой казак Ильин, распорядившийся, в наказание, арестовать все мужское казачье население, которое было помещено в железнодорожных пакгаузах. В число арестованных попали и „отцы духовные". Положение было таково, что никто не знал, что завтра будет и спорить с Ильиным нельзя было. Это был своеобразный тип, отчаянный боец, но и способный на интриги и анархические действия. Так он, будучи в Георгиевске, в отряде т Беленковича, бойцом, заварил такую кашу, из-за которой чуть не погибли от своих-же бойцов тов. Беленкович и военный комиссар Лоладзе. В результате Ильин стал командующим фронтом, а затем и войсками округа, а тов. Беленковича, и Лоладзе вытребовало к себе краевое правительство, чем и спасло их. Далее Ильин разбил арестованных казаков на несколько групп и гонял их по утрам на маршировку. Несмотря на мое безпощадное отношение к контр-революции, я с действиями Ильина не был согласен и категорически потребовал назначения от окруж-

ной власти комиссии, председателем коей назначили меня, для выяснения участников зверского нападения на красноармейцев.

Несмотря на распоряжение окружной власти мне еще долго пришлось торговаться с Ильиным. Комиссия проверила и всех за исключением пятидесяти верхушек контр-революции освободила, а арестованных (50 человек) отправила в Пятигорск. После этого, Ильин уехал на фронт. В это время, на Кубани дело обстояло так: по трем направлениям наступал генерал Алексеев; нами оставлен Краснодар, центр тогдашнего северного Кавказа.

Власть переехала в Майкоп, а оттуда через Армавир перебралась в Пятигорск. Центром военных действий, стала ст. Кавказская, а затем Армавир. Последний переходил из рук в руки и, наконец, нами оставлен и центром боев с Алексеевскими бандами стала ст. Невинномысская, хозяевами положения в Ставропольской губернии и Кубани стали белые. Одновременно с органами власти, переехал в Пятигорск и штаб военного командования и, таким образом, этот город в политическом и военном отношениях, стал центром северного Кавказа. Военное положение наше к тому моменту было таково: с одной стороны наступал Алексеев, с другой баталпашинцы (Шкуро), а с третьей, со стороны Моздока—эсеровско-Бичераховские вой-

ска под командованием генералов Пашковского и Мадридова и полковника Агоева, которым в одно время Родзевич хотел передать командование нашими войсками. В то-же время, существовало внутреннее недовольство и сыпной тиф начал косить, как бойцов так и гражданское население. Все, вместе взятое, создавало отчаянное положение. Незадолго до окончательного перехода в Пятигорск правительства северного Кавказа, командующий Прохладненским фронтом, Ильин, затеял историю: снял с фронта лучшие свои части с бронепоездом, занял Пятигорск, под лозунгом восстановления в округе твердой Советской власти, расправы с буржуазией и ущемления ее. Лозунг заманчивый, а в результате вместо твердой власти во многих местах Советы сами себя распустили. Многие товарищи попрятались и уехали, человеческая жизнь висела на волоске. Опять пошли разговоры о Мащуке, неорганизованные обыски, реквизиции и аресты приняли стихийную форму. Можно сказать, что мы тогда остались без власти. В этот серьезный момент, в Пятигорск прибыл командующий Невинномыским фронтом тов. Гайчинец, кажется коммунист. С его участием в Пятигорском Совдепе собрались ответработники для обсуждения создавшегося положения, в числе их были члены центрального исполнительного комитета, Аксельрод,

Александр Ге и местные работники т. т. Н. Леонов, Анджиевский, Атабеков Аркадий, Рухадзе и др. Совещание признало необходимым организовать временную власть „Временную директорию", по управлению Пятигорским округом, в каковую вошли: Аксельрод, Лещинский, Мамсуров, Анджиевский (в работе директории не участвовал) Рухадзе, Шушаник и от эсеров Козловский и Гохар. Выделив президиум директория поместилась в гостинице Бристоль и выпустила целый ряд воззваний и обязательных постановлений в том числе и о роспуске прежнего состава окружного Совета. Ильин, узнав об организации директории, однажды, на моем дежурстве, явился в помещение директории поздравить нас с организацией твердой Советской власти и расхаживая по комнатам бил по столам членов директории нагайкой и заявлял о своей готовности защищать Советскую власть. В ответ на поздравление Ильин получил от меня приказание немедленно оставить Пятигорск и выехать на Георгиевский фронт, где действительно требуется защита Советской власти. Ответив „слушаю, сегодня отправлюсь", Ильин удалился, а через несколько минут с вокзала посыпались из бренепоезда на город орудийные снаряды, вызвавшие панику. Отправляясь в Георгиевск, Ильин решил на последок встряхнуть Пятигорск. Для директории тогда основным

вопросом являлось снабжение фронта всеми видами довольствия. С этой целью были выделены из состава директории два члена: т. т. Флиг (работавший в директории вместо т. Анджиевского), и Рухадзе, дав им широкие полномочия. Устроив совместно с Пятигорским Советом ряд совещаний, выработали план действий. Нам пришлось прибегнуть к из'ятию излишков у имущих классов, которые мы дали фронту, в виде обмундирования, улучшили продовольствие и обратили серьезное внимание на Пятигорский патронный завод, чем улучшили качество и количество приготовляемых патронов и положение на фронте стало более устойчивым. В области выборов, перевыборов и восстановления Советов шла лихорадочная работа в процессе которой мы начали отмежевываться от бывших наших союзников но они еще, кое где, проходили. Финансовый вопрос наш был в катастрофическом состоянии. В госбанке не осталось ничего. Контрибуция также потеряла значение, не достигая цели. С Москвой связь была через единственный путь: Святой Крест, Калмыцкие степи до Астрахани и это путешествие отнимало два месяца времени. Не имея другого выхода, Директория выпустила через отделение госбанка банкноты, подписанные членами ея. Таким образом, директория положила предел развившейся анархии, укрепила фронт, восстановила советы и раз-

решив еще целый ряд насущных вопросов, приступила к подготовке окружного с'езда советов. Всего директория просуществовала два с лишним месяца. Окружной с'езд советов, выслушав отчетный доклад директории, признал работу ея вполне удовлетворительной, и приступил к перевыборам окружного исполкома, председателем которого был избран тов. Атабеков Аркадий, а тов. Анджиевский перешел целиком на партийную работу. Ввиду серьезного значения Ессентукского фронта я, как председатель тамошнего Исполкома вернулся в Ессентуки. В августе, если не ошибаюсь, в Владикавказе состоялся четвертый с'езд народностей Терской области; в числе прочих делегатов был избран и я. Путь железнодорожный оказался закрытым: Моздокские эсеро-Бичераховские банды заняли Прохладную и наступали на Георгиевск. делегаты собрались в Пятигорске. Достали два грузовика и проводника кабардинца, избрали меня старшиной экскурсии и решили ехать через Кабарду. Погода не благоприятствовала, шел беспрерывный дождь. От'ехав от Пятигорска около тридцати верст, одну машину оставили в болоте и вынуждены были вернуться обратно, т. к. дорога от дождей испортилась окончательно. К вечеру мы вернулись в Пятигорск; я простудился и серьезно заболел. Врачи признали болезнь серьезной и вы-

быв из строя я был помещен в гостинице Бристоль. На следующее утро делегаты собрались ехать; зав. административным отделом т. Блок делал приготовления к от‘езду. Помнится зашел ко мне прощаться тов. Тюленев (это было последним прощанием: больше мы с ним не увиделись) и делегаты уехали через Кабарду, Нальчик в Владикавказ. Оправившись, я вернулся в Ессентуки. На с‘езде, как впоследствии выяснилось, произошел раскол: правая группа тянула в сторону Моздока к Бичерахову, левая во главе с коммунистами и интернационалистами-линдовцами за сов. власть. Таким образом, большинство с‘езда стояло за Сов. власть, а сторонникам буржуазии, которых оказалось несколько человек пришлось уйти со с‘езда, ибо другого выхода у них не было. Моздокское командование использовало это и белогвардейская банда, во главе с полковником Соколовским ворвалась в город и заняла часть его. Бывали моменты, когда банда занимала нижнюю часть нашего штаба, а в верхней красноармейцы от них отбивались. С‘езд, все время работавший в б. здании кадетского корпуса, был вынужден временно переехать в Молоканскую слободку. Многие члены с‘езда оставшись в городе, сражались на воздвигнутых баррикадах. Особенно восхваляли действия товарищей Элердова и Думбадзе. Мне пом-

нится, что в то время в руки бандитов попал тов. Ф. Махарадзе, каким-то чудом спасшийся от них. Но в скором времени занимавшая под командованием Соколовского город банда была разбита и ушла к своим хозяевам, а с'езд снова перешел в город и закончил свою работу. Насколько мне известно, ввиду разногласий в комфракции, выборы нового Совнаркома не состоялись. Об этих разногласиях мною сказано в работе пятерки в Совнаркоме. У власти остался старый состав Народных Комиссаров. Делегатам нужно было раз'езжаться, а ж. д. путь опять был занят бандами Бичерахова. Кратчайший путь на Пятигорск лежит через Беслан на станицу Змейскую и далее. В Змейской, стояла Моздокская офицерская банда. Не знаю по чьей инициативе, возвращавшиеся участники с'езда решили послать к бандитам делегацию для переговоров о беспрепятственном пропуске. Бандиты согласились и дали слово, что членов с'езда они пропустят беспрепятственно. Когда вся делегация прибыла в Змейскую, банда немедленно арестовала всех и выделила товарищей. Пашковского бывш. Предсовнаркома, Тюленева и 18 летнюю девушку Блюменталь, еще кого-то и тут-же их расстреляла. О присутствии в составе делегации тов. Пашковского не знали и сами делегаты и не подлежит сомнению факт нахождения в среде де-

легатов провокатора, выдавшего его. Остальные делегаты, т. т. Хохлов, Блок (жена), Хапилин, Касаниди, Харченко, Моторин, Глущенко, Станко, Глазко, Чепарский, Янышевский (брат), доктор Орлов и другие были отправлены в Моздокскую тюрьму, где подверглись неслыханным пыткам и мучению. Тов. Хохлову выкололи глаза и он скончался от мучений. Тов. Касаниди приняли за Рухадзе, терзали и хотели казнить, а перед этим показали Ессентукскому казаку Звягину, хорошо знавшему Рухадзе, благодаря чему т. Касаниди тогда уцелел. Через месяца два, приблизительно, уцелевшие делегаты были освобождены. После с'езда на казачьем митинге, тов. Буачидзе держал речь и предательская рука там его сразила. Потеря тов. Буачидзе, в то время, составляла потерю половины надежды Терской действительности, т. к. он был крупным авторитетом, что признавали за ним, даже противники и заменить его в Терской области некем было, что, наверное, предатели и имели в виду. Летом, в июне, мне донесли, что казачество руководимое верхами, созвало, так называемый казачий круг. Разрешения на созыв им дано не было и созыв являлся самочинным действием офицерства. В сообщении полученном мною было сказано, что круг ведет себя очень вызывающе по отношению к власти. Немедленно я отправляюсь

на место сходки, в огромное помещение кредитного товарищества, переполненное казаками и небольшой частью крестьян. На собрании председательствовал поручик Глухов, один из героев Ессентукской контрреволюции, приятель Родзевича. Около трибуны масса казачих генералов и офицеров и генералов вообще и все переодетые казаками. Мое появление на трибуне, было для них неожиданно. Стали задавать вопросы, среди которых первое место занимал о земле и о восстановлении станичного правления. По всем вопросам, дал исчерпывающие ответы, но „волкам евангелие читать нельзя“. Начались ругань и выпады, против правительства. Выступали большей частью офицерство и зажиточные. Бородачи призывали казачество к сопротивлению власти, трудовое казачество и крестьянство, вели себя пассивно и молчали. Им нельзя было проявить себя, т. к. организованные верхи могли с ними расправиться и часто имели место случаи убийства и расправы над трудовыми казаками, а о крестьянах и говорить не приходиться. Видя такое настроение, я обратился к председательствующему о призвании к порядку горлохватов, а он, наоборот,—сам разжигает страсти. Тогда я сам повышенным тоном призвал их к порядку, добавив еще кое-что, и вероятно угрозу. Вдруг, кто-то из этой толпы крикнул: „Руха-

дзе стреляет". К стыду присутствующих горлохватов, создалась ужасная паника: люди друг-друга давили, выбыли все окна и двери и в течение трех минут огромный зал опустел и носил следы погрома.

На трибуне остался я один. Узнав в чем дело, я вышел на улицу, успокоил их, собрал обратно в помещение и стал призывать об'единиться вокруг Совета, дав туда своих представителей и т. д. Кое-как вновь собрались. Прошло несколько минут, вижу опять что-то неладно, но не бегут. Оказалось, что, когда создалась паника, кто-то побежал в штаб отряда и передал, что казаки убили председателя исполкома Рухадзе. Это донесение вызвало выступление красноармейцев, оцепивших место собрания, командовавший товарищ передал мне о причине их появления. Я просил товарищей немедленно сняться, что было исполнено, а охрану возле меня оставили. Казачество, в конце концов дало согласие принять участие в работах Совета и выделило 14 представителей. Так закончилось это бурное собрание. Обо всем передал исполкому, а сам уставши пошел отдыхать. Через несколько часов на рассвете, послышалась со всех сторон стрельба. Одевшись и вооружившись предложил жене немедленно ехать в Пятигорск, а сам выбежал на улицу. На улице пройти невозможно, из всех домов стреляют, выяснить где наши

и где противники, нет возможности. Пройдя по Кисловодской улице через двор санатория Вера добрался до Исполкома. Там люди в бурках стреляют. Выянилось, что они дагестанцы, охранявшие Исполком. Узнал от наших дагестанцев следующее: тов. Шаповалов, командующий фронтом, узнав, что казаки дали представителей в Совет, думая, что в эту ночь опасности не будет, пошел отдыхать. Его примеру последовали некоторые командиры. Местные красноармейцы, тоже разошлись по домам. Шкуро воспользовался случаем и ворвался в наши в окопы, и оттуда повел наступление на город, а сторонники его, которых было очень много начали стрелять из всех дворов с целью создать панику. Наши красноармейцы и рабочие, где были застигнуты нападением, также стреляли, таким образом создалась общая паника. Узнав положение, я начал давать распоряжения. Моему заместителю т. Пешкову поручил вывести все ценности в Пятигорск; тов. Парсегову и тов. Безухову грузить из склада снабжения, что возможно, на дежуривщие у нас подводы и также отправлять в Пятигорск. Расставив дагестанцев и двух пулеметчиков прибывших с фронта, вокруг здания Исполкома, дал им распоряжения, отправился на вокзал, на который, особенно, банда напирала. На вокзале, под командой тов. Гердзевича должно было

находиться около двухсот вооруженных рабочих. В это время, банды уже появились на Ессентукской улице, в парке уже показалась конница белых отбитая от помещения красноармейцев, помещавшихся в гостинице Хохлачева. Пройдя дворами к вокзалу, я нашел одного тов. Гердзевича, сообщившаго мне, что часть вооруженных рабочих ушла в английский парк (в сторону Пятигорска), в комендатуре у него оказалось много нерозданных винтовок. Оказалось, что не все рабочие вышли в караул, вследствие чего, винтовки достались противнику. Здесь, к нам присоединился военком, тов. Бардаков. Видя, что здесь оставаться нет смысла, решили присоединиться в окопах к отряду.

По дороге к нам присоединилось еще человек пятнадцать фронтовиков. По приближении к нашим окопам, мы подверглись обстрелу со стороны засевших там бандитов. Рассыпавшись стали отвечать. В это время прискакал верхом одетый в казачью форму тов. Шаповалов и направляясь к бандитам крикнул: „какая сотня?“ Ему ответили, добавив „ваше благородие“. Банда его приняла за свое начальство. Тов. Шаповалов открыл по ним огонь из маузера, что вызвало в их среде замешательство и дало нам возможность отступить к английскому парку.

На вокзале в Ессентуках, у нас все время находился, на всякий случай, товарный состав, т. к. время было очень тревожное. К этому моменту, весь состав поезда уже оказался переполненным ранеными, просившими отправить их в Пятигорск. Убедившись в необходимости вывезти раненых и больных бойцов, дабы не оставить их на истерзание бандитам дал распоряжение об отправке. Паника также не мало помогла бандитам, вызвав в наших рядах большой беспорядок, во время этого налета.

Я влез на паровоз, а тов. Гердзевич и другие разместились с ранеными в вагонах. Ехали тихо, затем миновав английский парк, против поста Золотушка, заметили конницу белых. Это обстоятельство заставило нас ускорить до полного хода движение. Меня брало сомнение в целости пути, но машинист убеждал, что путь исправен и нам удастся прорваться и уехать. Банда открыла огонь по поезду в составе, которого были и открытые платформы наполненные больными и ранеными. Машинист лег на пол, я отстреливался из карабина и выглянув вперед по движению поезда заметил подаваемый красным флагом сигнал, о чем сказал машинисту и пока тот поднялся паровоз слетел с рельс и зарылся боком в землю. Пар из лопнувших труб привел нас в чувство и мы вылезли оттуда. Крушение вызвало

ужасную катастрофу: весь состав поезда за исключением трех задних вагонов превратился в щепы. Кто мог в тот момент выскочить уцелел, остальные были изувечены, а тов. Гердзевич перешедший на ходу поезда в первую платформу едва не погиб, отделавшись ранениями. Крики и стоны раненых и больных огласили воздух просьбами о помощи, а тут из-за бугорка мчатся конные бандиты человек 50. Пытался остановить убегавших товарищей, но безуспешно; паника захватила всех и я выпустив несколько патронов тоже начал плавать в ней. И тут же звери прискакали на место крушения, чтобы добивать раненых и в этом весь трагизм того момента. Отступая садами в сторону Пятигорска я встретил свою жену и жену Соболева. Затем выяснилось, что когда в Ессентуках создалась паника и безвыходное положение, вызванные налетом банд, они на подводе выехали в Пятигорск, в парке их задержали белогвардейцы. Но к счастью у них был ручной багаж, дележкой, которого занялись соблазнившиеся бандиты, а женщины воспользовавшись случаем, убежали и добрались до поезда, успели сесть в последний вагон, что и спасло их. Отступая, мы подвергались все время до ст. Скачки обстрелу. Здесь под'ехал наш кавалерист т. Козловский и уступил своего коня. Прибыв в Пятигорск, первый доложил Предревоенсовета т. Мамсурову о проис-

шедшем, а также окрисполкому, штабу коммунистического отряда и тов. Анджиевскому бывш. тогда председателем окружного партийного комитета. Всюду обещали помощь и моментально начались лихорадочные приготовления, главной целью, которых было скорейшее наступление с целью помешать врагу проводить мобилизацию. В семь часов утра, мы оставили Ессентуки, а в 12 часов того же дня повели на них наступление. Левый фланг занял коммунистический отряд под руководством тов. Анджиевского и командованием тов. Анисимова, по линии железной дороги наступали два бронепоезда, на правом фланге конница тов. Шаповалова, в центре и вдоль железной дороги, Ессентукский отряд и рабочие Ессентуков, общее командование, которыми было поручено тов. Шаповалову. Несколько слов о сигнале красным флагом в момент подхода поезда к Золотушке. Банда заняв этот пост, разобрала путь и связала стрелочника, в голенище, у коего остался сигнальный флаг. Увидя приближение поезда, он освободил одну руку и желая нас спасти сигнализировал; кажется и он погиб в обломках поезда. Бронепоезды, дойдя до места катастрофы, начали оттуда бомбардировать казачий центр станицы, т. н. Галашки, где Шкуро уже начал проводить мобилизацию казаков, но довести ее до конца ему помешали наши снаряды. К вечеру, мы вплот-

ную подошли к городу. В бою, из ессентучан, особенно отличался тов. Пешков, своей храбростью воодушевлявший рабочих, которые дрались, как львы. К шести часам вечера, город был снова занят нами и красное знамя вновь взвилось над ним. Шкуро отступил в сторону „Белого угля“, захватив с собою до тысячи казаков; офицерство также ушло за ним, Разрушив артиллерийскими снарядами здание Исполкома, и разграбив все, что нам не удалось вывезти. К стыду соц.-демократов, с Шкуро ушел член Исполкома, завед. отделом труда, бывш. политкаторжанин, журналист Янковский. При взятии города, погиб командир коммунистического отряда, тов. Анисимов. Преследованию противника мешала погода, хотя тов. Янышевский пытался сделать это. С утра началась уборка трупов—жертв расправы белогвардейцев и приняты меры к организации аппарата власти на даче „Орлиное гнездо“. Из всех фронтов Ессентуки заняли первенствующее место; с целью предупреждения налетов и убийств наших товарищей, мы арестовали в качестве заложников крупных николаевских генералов и сановников среди, которых фигурировали генералы: Рузский, Радко—Димитриев, министр путей сообщения Рухлов и другие всего человек до пятидесяти. Все это совпало с тем моментом когда Пятигорский округ стал центром военных действий и Правительство

Северного Кавказа окончательно переехало в Пятигорск. Нужно отметить, что согласованности в действиях между Совнаркомом Терской области, находившимся в Владикавказе, не существовало. Окружной Исполком тоже чувствовал себя хозяином округа. В конечном итоге, верх взяло Сев-Кавказское Правительство в распоряжении, которого находились вооруженные силы, что является решающим в жизни каждого правительства. Как мы отмечали, финансовое положение было очень плохим. Содержание госаппарата, армии, зарплата рабочим требовали колоссальных сумм и все это нужно было достать. Правда, Терский Совнарком выпускал свои денежные знаки, выпускали их и в Пятигорске, но всего этого было недостаточно и наши денежные знаки неохотно брались. В связи с этим, Совнарком Терской области, решил обложить контрибуцией, в двенадцать миллионов рублей, банкиров и других представителей имущих классов, находившихся на группах КМВ.

Для разрешения этого вопроса, к нам прибыл уполномоченный совнаркома тов. Булле, информировавший нас. Затем был выработан план проведения сбора ее и созвано совещание Петроградских и московских банкиров и промышленников, которым и было пред‘явлено требование об уплате. Они, конечно, такой суммы испугались и

категорически от внесения ее отказались. Мы подтвердили наше твердое решение, тогда начали с нами торговаться. Сумму эту нужно было собрать в Ессентуках и Кисловодске. Взялись за дело, избрав комиссию, возглавляемую петроградским банкиром графом Толстым и приступили к раскладке. Требуемая сумма, под разными видами, была собрана и отправлена по назначенню, что в значительной степени облегчило финансовое положение области. Наблюдались еще следующие нездоровые явления: в то время, еще при существовании временной директории, когда Армавир находился в опасном положении, оттуда, в Пятигорский округ, приезжали, под видом исполнения поручений люди—беглецы с революционного фронта с награбленными ценностями с целью укрыться на группах КМВ, но они обнаруживались. Был случай, когда из Армавира прибыли с мандатами от Исполкома, собрали всю бежавшую буржуазию в свой вагон и повезли обратно в Армавир не найдя нужным сообщить об этом окружной власти. Временная директория узнав об этом от комендакта станции Ессентуков тов. Соболева задержала их на Пятигорском вокзале, воздав по заслугам прибывшим из Армавира „художникам“. Как выше было сказано, аресты сановников после налета Шкуро были произведены распоряжением Пятигорской Ч. К.,

которой руководил тов. Атарбеков, который потребовал отправки их в Пятигорск, где они при проведении красного террора после ранения тов. Ленина, получили возмездие. Необходимо отметить, имевшие место взаимоотношения между отдельными органами власти. Вопрос этот стоял очень плохо: трудно было узнать кто, кому подчиняется. Это происходило от непонимания друг-друга, а, может быть, и в плохом понимании власти на местах. Не лишним будет отметить роли представителей других партий—по отношению к Советской власти и гражданской войне (здесь я касаюсь только Пятигорского округа), определенно говоря, они или совершенно не принимали участия в происходивших событиях, или-же принимали и мешали. Вспомним действия Родзевича, переход в лагерь контрреволюции Янковского и ряд других. На ряду с этим, отдельные лица других партий, принимали активное участие в происходившем, но это было их персональное участие, а сами организации себя не проявляли. В августе или сентябре, в Пятигорске был созван окружной с'езд партии интернационалистов. Меня, как члена этой организации вызвали с фронта. Первым стоял на с'езде вопрос о воззвании тов. Линдова, призывавшего интернационалистов организованно влиться в компартию. Пошли споры, из которых выяснилось, что многие

интернационалисты не желают вступить в компартию из за отдельных личностей, входивших тогда в состав комитета последней. Наконец, постановили слиться с компартией в общегосударственном масштабе, т е. ждать пока все меньшевики не вступят. Избрали двух депутатов т. т. Санина и Пуришеева для поездки к тов. Ленину, для выяснения условий вступления. Это происходило в тот момент, когда трудно было знать, кто завтра будет у власти.

Остановимся к характеристике положения, в котором мы очутились после прибытия Северо-Кавказского правительства, ухудшившегося в связи с этим. Плохо или хорошо, местные органы власти были связаны с населением, и знали его нужды и требования. Наблюдались случаи, когда распоряжения местных органов, отменялись краевым правительством и в общем получалась неразбериха. Например в Ессентуках существовал выдержанный, испытанный в боях Исполком, в состав коего входили исключительно рабочие и трудовые казаки и население с ним считалось, а Северо-Кавказское правительство от себя назначило туда своего представителя Александра Ге. Последний разместился в лучшей санатории, в старо-казенной гостинице и приступил к созданию аналогичных отделов Исполкома. Получилось двоевластие: население не

знало к кому обращаться, а тов. Ге в свой аппарат начал принимать всех тех, кого тогда Советская власть преследовала. Мы требовали, чтобы тов. Ге, если необходимо в составе Исполкома его представительство от Краевого правительства пользовался-бы нашим аппаратом. Тов. Ге возражал, а Сев. Кавказское правительство, его в этом поддерживало. На нашу сторону стал Окрисполком и трения на этой почве с каждым днем увеличивались; рабочие организации возмущались, но помочь ничем не могли. Наконец, Окрисполком также назначил своего представителя т. Никитина. Это было противоположное представительство; разногласия увеличивались и работать стало невозможно. Сдав дело т. Никитину, выехал в Пятигорск в распоряжение окружного комитета.

Несколько слов о Александре Ге. По убеждениям он был анархист, интеллигент в полном смысле этого слова, по профессии журналист, приехал сюда лечиться и застрял будучи задержан гражданской войной и закрытием дорог. Сначала он работал в Пятигорске, у Предчека тов. Власова. Затем, будучи назначен уполномоченным С.-Кавказского правительства в Ессентуках, повел широкий образ жизни, живя в лучшей санатории, вращался в „высокопоставленных кругах“, играл в преферанс с генералами, капиталистами и с известным

миллионером Манташевым, который потом преспокойно очутился заграницей. Жена тов. Ге, Ксения Ге, занималась посредничеством между женами капиталистов и властью (ея муж). Освобождение генерала Петренко—дело Ге, а впоследствии он сам погиб от руки палача Петренко. Никакой связи с рабочими он, Ге, не имел и рабочие его ненавидели.

По прибытии в Пятигорск, я получил назначение заведывать отделом кооперации округа и одновременно поручили принять дела Бакинской продовольственной директории, которую тогда возглавлял т. Бекзадян. В кооперативный отдел я перетянул всех кооперативных работников в среде которых был и тов. Майборода. После кипучей деятельности в Ессентуках, фронтовой жизни и боев, было трудно приспособляться к гражданской работе. Но работать здесь мне долго не пришлось, т. к. от партии я был избран делегатом на 5-й с‘езд народностей Терской области, который созывался в Владикавказе в сентябре 1918 года. До моего от‘езда туда, произошло неслыханное предательство и измена Советской власти. Однажды утром глазам нашим представилось расклеенное по городу об‘явление от штаба главнокомандующего Сорокина, в котором было написано, что за измену Советской власти и сношения с генералом Алексеевым рас-

треляны: Предсовнаркома Рубин, секретарь Северо-Кавказского Комитета партии Крайний, его младший брат, Крайний, работающий среди молодежи, уполномоченный центрального правительства Рожанский или Дунаевский, точно не помню, и, что к розыску остальных участников принимаются меры. Это неожиданное и неслыханное по содержанию об'явление навело страх и ужас, а предположениям нашим не было предела. Как это случилось? Коммунисты в коммунистическом правительстве и в краевом комитете партии и вдруг предательство и измена! В то-же время, в Реввоенсовете работают коммунисты: Полуян, Гайчинец, Гриненко и др. Создалось ужасное положение. Агенты Сорокина следили за каждым, особенно усердно в этом отношении работал комендант города Пятигорска Черный. Во всех войсковых частях возглавляющими лицами оказались сторонники Сорокина и он стал назначать своих людей во все части аппарата. Началась погоня за остальными выдающимися коммунистами; многие из них попрятались, другого выхода не было. Один из лучших товарищей Власов, предчека, вырвавшись из Пятигорска уехал на Минеральные воды, но его догнал Сорокинский Предчека, бандит Маркарьян и убил. Затею Сорокина можно было, еще до этого, заметить из того, что сравнительно большая наша армия отсту-

пала перед кучкой бандитов. Таманская армия, состоявшая из лучших революционных частей командиром которой был моряк, потемкинец, тов. Матвеев, при отступлении, была брошена во вражеском окружении, на произвол судьбы. Таманцы принуждены были отступать в направлении Черного моря, между Новороссийском и Туапсе. Вся Кубань в то время была занята Алексеевым. Не имея другого выхода, как продвижение с боем на Туапсе, таманцы взяли его, разоружили там грузинских меньшевистских бандитов, помогавших генералу Алексееву и повели наступление по линии Туапсинской ж. дороги. По пути, части их с каждым днем увеличивались пополнявшими их крестьянами и рабочими. Продвигаясь с боем, они заняли Белореченскую, Майкоп и Армавир, т. е. все районы оставленные Сорокиным. Сидевший в Пятигорске Сорокин, узнав о чудесах храбрости и победах таманцев, обиделся: как это без его ведома все это совершили и вызвал к себе командующего, тов. Матвеева и без всякой причины казнил его, а таманцам дал приказание взять Ставрополь, что они и выполнили. Но потеря любимого командира волновала их и они все добивались узнать причину, но не могли. Тов. Матвеева заменили т. т. Ковтюх и Батурин. Убийство т. Матвеева было сигналом предательства со стороны Сорокина, все бла-

горазумные люди это заметили и возмущались этим актом. Спустя несколько времени, после Сорокинской предательской затеи, по инициативе партии и передовых бойцов фронта, в Невинномыской, в полосе военных действий, был созван чрезвычайный с'езд, совместно, с представителями Красной Армии, где обнаружилось предательство Сорокина и с'езд об'явил его вместе с штабом изменниками революции, разослал об этом на места приказ. Сорокину и его штабу ничего другого не оставалось, как бежать к Алексееву, т. к., несмотря на то, что их вызывали на с'езд, они туда боясь не поехали. Но таманцы, стоявшие в Ставрополе, следили за событиями и Сорокин, направившийся с своим штабом в сторону Ставрополя, попал в их руки и они расчитались с предателями по заслугам. Многие Сорокинцы были выловлены в Пятигорске, в том числе, его ад'ютант Гриненко, который публично сознался в том, что Сорокин хотел об'явить личную диктатуру. Бандит Маркарьян был расстрелян в Невинномыской. В процессе работ с'езд назначил командующим армией тов. Федько. Трупы товарищей, погибших от руки Сорокина были розысканы, доставлены в гостиницу Бристоль и похоронены. Сорокинская авантюра окончилась, оставив о себе на фронтах впечатление. Тогда перед властью стал вопрос об открытии во что-бы то ни

стало пути на Владикавказ. Эту серьезную задачу поручили тов. Зуеву, одному из Сорокинских командиров, оставшемуся верным Советской власти, который честно выполнил возложенное на него задание и совместно с другими отрядами, разбил банды Бичерахова, взял Прохладную, Моздок, расчистив путь к Владикавказу, а Ильин бывший командующий Георгиевским фронтом, был переброшен на Суворовский фронт, против Шкуро, в рукопашней схватке получил смертельное ранение и умер.

Будучи молодым казаком, без политического мировоззрения, он был храбрым и неустрашимым бойцом, но вместе с тем был властолюбив и стремясь к первенству анархически настроен. Его действия в Пятигорске, сопровождавшиеся обстрелом из орудий этого города, напоминали Махновщину. И все-же, если бы Ильина во время стали бы политически воспитывать и руководить им, то из него получился-бы отличный и хороший полководец.

По открытии дороги, я с тов. Румановым выехал в Владикавказ и до от‘езда беседовал с председателем организации интернационалистов с тов. Гурари, которого я очень ценил и уважал. И вот тов. Гурари в беседе не советовал мне ехать; на мой вопрос почему, он ответил, что Совласть больше месяца не просуществует и нам придется здесь много работать и условия работы для нас станут

лучше чем при коммунистах. В лице Алексеева наступает английская демократия и англичане не дадут возможности белым безобразничать. Тяжело было слышать это от лидера партии, но он так был пропитан ненавистью к отдельным коммунистам, что шел на все. Я ему советовал, ввиду его предсказаний о падении власти, тоже уехать и не верить этой демократии, но он настаивал на своем. На этом мы и расстались. Путь, по которому мы ехали был разрушен, бандиты взрывали мосты, сжигали станционные здания и портили рельсы, сгибали его По прибытии в Владикавказ мы увидели здесь делегатов: казаков, крестьян, бедняков и кулаков, осетин, кабардинцев, ингушей, чеченцев, карачаевцев, которыми были переполнены все гостиницы. С'езд созывался в серьезный момент. Пятигорский округ—один из революционных уголков Терской республики находился в опасном положении. В самом Владикавказе и его окрестностях, царила анархия, разжигаемая и руководимая противниками Советской власти.

Мир между отдельными национальностями отсутствовал, каждая из них имела своих руководителей из обанкротившихся „социалистов" и скрывавшихся офицеров. С'езд должен был разрешить эти вопросы, и в первую очередь защиту республики, а затем установить мир между националь-

ностями и все это зависело от состояния вооруженных сил, ибо одной пропагандой и уговорами цели достигнуть нельзя было. Здесь дело тоже обстояло не хорошо. Владикавказ имел вооруженную силу, небольшую, состоявшую из отдельных отрядов, действующих по своему усмотрению; единого руководства, столь важного во время военных действий, установить трудно было. Командовал этими силами тов. Левандовский, способный человек и хороший военачальник, стоящий на платформе Советской власти, в конце 1918 года, командовавший XI армией. Но он, в то время, бросить свои силы против Алексеева не мог, т. к. они нужны были для поддержания порядка и отражения нападения окружающих банд. В тот серьезный момент на с'езде единодушия не было, появились всевозможные группировки: с одной стороны коммунисты с интернационалистами-линдовцами, рабочими и беднейшим крестьянством, а с другой — правая национальная, которую возглавлял всем известный Ахмет Цаликов, обманивавший своих приверженцев. Были и казачьи группировки с кулаками Борьба на с'езде оставляла отпечаток на плодотворности работ его, но несмотря на эту обстановку, компартия сумела разрешить ряд существенных вопросов. Здесь на с'езде, при содействии тов Руманова познакомился с лидерами компартии Грузии т. т.

Ф. Махарадзе, Л Думбадзе, С Кавтарадзе, К. Цинцадзе и др. Во время работы с'езда в Владикавказ прибыл тов. Буду Мдивани, освобожденный из меньшевистского заключения. В пламенной речи, произ несенной им просил дать ему работу там, где большая нужда и опасность для Советской власти После с'езда тов. Мдивани уехал на Пятигорский фронт, где со всех сторон наступали враги. По окончании работ с'езд избрал Совнарком, председателем его тов. Бутырина (до него после смерти тов. Буачидзе был тов. Булле), наркомом внудел тов. Фигатнера, который мне предложил место своего заместителя, на что я согласился с условием: до вступления в исполнение своих обязанностей с'ездить в Грузию посмотреть и ознакомиться с меньшевистским правопорядком. Тов. Фигатнер согласился, дал мне право на выезд, нужную сумму денег и поручения. Тов. К. Цинцадзе, А Думбадзе и Тодрия дали мне особые поручения и указали адреса товарищей, которых нужно было уведомить о созываемом в Владикавказе партс'езде Края, на который должны были прибыть представители грузинских организаций. Выехал на фургоне—(автомобилей тогда не доверяли друг-другу). Впервые нас остановили на Советской заставе, проверили документы, кое-кого обыскали. Тогда меньшевистская Грузия и Дашнакская Армения воевали друг

с другом. Когда мы добрались до Дарьяльской заставы, нас остановили молодые офицеры. Проверяя документы они грузин кое-как пропускали, а с армянами поступали очень дико, правда грузинско-подданные армяне с мучением пропускались. Уже здесь сказалась национальная политика грузинских меньшевиков, давшая себя сразу почувствовать. По прибытии в Казбек всех с фургона высадили и произвели тщательный обыск; с грузинами, народогвардейцы обходились более снисходительно, конечно, получив от нас небольшое подношение. Затем, всех мужчин погнали внутрь помещения, где полковник Церетели нач. заставы цинически издевался, некоторых отводил в сторону (можно было подумать на расстрел), армянам делается дурно, многих возвращали обратно Когда дошла до меня очередь, подал старый Николаевский паспорт. Церетели, прочитав фамилию, подошел ближе, рассмотрев меня сказал: „я вас знаю и пропустить не могу". Я ответил: „Как это, полковник на родину не пропускаете, куда-же мне ехать?". Церетели засмеявшись сказал: „для председ. Советов в Грузию нет хода, езжайте обратно в Пятигорск там ваша большевистская власть, а Грузию взрывать вам не дадим". Я стал его убеждать, что он ошибается, наконец он согласился переговорить по этому вопросу с правительством Ноя Рамишвили. После этого, меня под охраной,

отправили в Тифлис. Сопровождавший меня народогвардеец оказался обиженным Советской властью, у него в Владикавказе национализировали гостиницу. При остановках он собирал сельчан и показывал нас, угрожая расправой. На одной станции нас отвели ночевать к крестьянину. Заинтересовавшись, когда гвардеец ушел, почему пожилая хозяйка в трауре часто плачет, получил смелый ответ, что у нея было два сына большевика, которые в числе других расстреляны при подавлении Душетского восстания меньшевистским правительством, при чем она ругала Владикавказских большевиков за то, что те медлят и не наступают, она готова своими руками передушить меньшевистское правительство. Успокоив ее и рассказав о положении Владикавказа, на следующее утро выехал в Тифлис.

Хотя мои воспоминания должны касаться революционного движения на Сев. Кавказе, но я нахожу небезинтересным вкратце изложить историю моего пребывания в Грузии, т. к. оно отчасти связано с историей Терека. По прибытии в Тифлис, я остановился в захолустной гостинице и здесь меня оставил сопровождавший народогвардеец. Не имея в городе знакомых и имея необходимость выполнить поручения, розыскал одного коммуниста, если не ошибаюсь тов. Б. Биби-

нейшвили, ознакомил его с поручениями, передал письмо и на том разошлись. Пробыв короткое время в Тифлисе, выехал в Западную Грузию, Кутаисскую губернию. Положение было везде одинаковое: всем свободно жилось, кроме коммунистов, их преследовали и редко бывало коммуниста увидишь, т. к. они ушли все в глубокое подполье. Кончался срок отпуска и нужно было возвращаться в Владикавказ. Меньшевистские газеты, принося плохие вести, громко кричали о падении Сов. власти на Северном Кавказе. Большевиков они рисовали чем угодно, особенно усердствовал в этом отношении бывш. наркомтруда Терского Народного Совета Богданов и прочие беглецы Северного Кавказа. Для проверки этих сведений, приезжаю в Тифлис, где подтвердилось, что наши отступают из Владикавказа, часть на Святой Крест в Астрахань, часть на Кизляр, а часть наших сдалась в плен меньшевикам на особых условиях (другого выхода не было), которых меньшевики не выполнили. Здесь зверское усердие проявил нач. заставы Казбек полковник Церетели. Сдавшиеся в плен коммунисты выдавались обратно деникинцам, которые их расстреливали, часть он сам убивал, а некоторых отправлял прямо в Метехский замок. Среди этой последней группы находились: К. Цинцадзе, С. Кавтарадзе и другие Небольшая группа

товарищей, предсовнаркома Бутырин и т. Ф. Махарадзе, отступала через Нарзан (Чечня) в Хевсурети, территорию Грузию; с ними был и тов. Автономов бывш. главком С. Кавказа. Товарищи Бутырин и Автономов погибли в горах Хевсурети. В общем положение товарищей было отчаянным: их расстреливали все, кому не лень было, и меньшевистским законом это допускалось. Сначала было трудно узнать кто уцелел и где кто находится. Тогда свое искусство показал тов. Ш. Палавандишвили, который поочередно доставлял из гор попавших в ужасное и безвыходное положение товарищей. Сдавшихся в плен красноармейцев держали за городом в т. н. Сабуртало, в пораженной малярией местности, в разрушенных домах, без ухода и питания. Меньшевистское правительство в целях демонстрации, водило раздетых красноармейцев по улицам, издеваясь над ними. Не в лучшем положении очутились и т. т. северяне: в незнакомой местности, при отсутствии средств и поддержки. Местная организация оказалась не на высоте своего назначения и можно было думать, что она не существует. Собравшиеся в Тифлисе товарищи северяне, обсудив положение, взялись за дело и по моему мнению они заложили твердый фундамент организации и оживили работу как в Тифлисском, так и в масштабе Грузинской рес-

публики в целом. Стала оказываться кое-какая помощь красноармейцам и отдельным товарищам, но все это было мизерно и недостаточно. Нужно отметить, что в среде эмигрировавших в Грузию товарищей, единодушия не было и на этой почве многие уезжали, в том числе и т. Анджиевский, ставший жертвой английской контр-разведки в Баку.

Несмотря на все препятствия компартия в Грузии удвоилась, энергично взялась за дело и в течение 4—5 месяцев вся Грузия была покрыта сетью наших организаций. Главные роли здесь принадлежали т.т. Филиппу Махарадзе, Ладо Думбадзе, Г. Стуруа, Назаретяну, сидевшему в тюрьме С. Кавтарадзе, Коте Цинцадзе и др Здесь же работали: Фигатнер, Елердов, Ежба и прочие товарищи. Автор настоящих воспоминаний в самый серьезный момент, когда в 1919 г. началось восстание в Грузии, по распоряжению Краевого Комитета и под его руководством возглавлял и руководил Тифлисским губкомом. До этого в губкоме работал и возглавлял его т. И. Мгеладзе, считавшийся самым активным работником, которого после его ареста заменил я. Бывали моменты, когда в губкоме я оставался один и не было желающих пополнить его и поработать там Несмотря на опасность, которую представляла работа, под руководством Краевого комитета, в особенности тов.

Махарадзе, Думбадзе, Стуруа и Назаретяна, губком выполнил возложенную на него задачу. Кроме того нужно отметить, что Краевой комитет оказывал посильную поддержку, действовавшим против Деникина партизанам. Одним из важных, который не отступил, а ушел в горы, Чечню, был тов. Гикало с тов. Шериповым, последний при столкновении с белыми погиб. Тов. Гикало посылались деньги, оружие и живая сила. Также работала специальная тройка во главе с тов. Кванталиани для помощи и вооружения восставшему Дагестану против деникинских банд. Здесь погиб тов. Оскар Лещинский, прилетевший сюда с важным поручением.

В 1920 году, 10 января, я был арестован меньшевистским правительством и посажен в Метехский замок. И до этого я был несколько раз арестован, но удавалось бежать, что избавляло меня от тюремного заключения. Правительство меньшевиков административным порядком посадило меня на два года, но 13 мая 1920 года, по заключении договора с Советской Россией, в числе других, освободили и я немедленно выехал на северный Кавказ. Необходимо отметить некоторые моменты действий меньшевистского правительства Грузии. Всякое революционное проявление каралось самым безпощадным образом, коммунисты находились в

глубоком подпольи. После подавления крестьянского восстания, постановлениями чрезвычайных судов расстреливали многих товарищей рабочих и крестьян. Все дома заключения были переполнены коммунистами. За Душетское восстание особым судом, в числе крестьян Душетии, судили таких людей, как т. С. Кавтарадзе, Гегечкори и др. а за то деникинское офицерство и вся контр-революция севера, жила в лучших домах и гостиницах, производя свободно мобилизацию офицеров для деникинской армии, сбор денег и пр., находясь под полным покровительством меньшевистского правительства. Переходивших в Грузию коммунистов полк. Церетели расстреливал или выдавал обратно деникинцам, т. т. К. С. Кавтарадзе и К. Цинцадзе отправили в Метехский замок; а в то время отступивший в Грузию деникинский генерал Эрдели и др. принимались с большим почетом и им выставляли почетный караул. Тогдашний Тифлис представлял из себя штаб международной контрреволюции. По освобождении из Кутаисской каторжной тюрьмы выехал в Владикавказ, а оттуда в Пятигорск, где получил назначение на должность управлющего Ессентукской Р. К. И. Предревкома в Ессентуках состоял тов. Савгиров, секретарем Ревкома тов Майборода, военком тов. Горбатый и секретарем райкома тов. Сергеев,

Окружным Р. К. И. управлял т. Соболев, работавший вместе со мной в Ессентуках в 1917 г. секретарем забастовочного комитета, а затем в 1918 г. в Исполкоме. При помощи этих товарищей я смог усвоить новую работу, в новых условиях, и если принять во внимание какое значение тогда имела Р. К. И., то нужно сказать, что много народного достояния она сохранила.

Состав парторганизации в то время стал совершенно неузнаваемым. Как выше было отмечено, тов. Блок после советизации, организовал компартию из совершенно новых людей, а теперь после вторичной советизации она пополнилась абсолютно чуждыми элементами, вошедшими туда с определенными целями. Тут находились церковные певчие, домовладельцы и т. п. лица. Очистить организацию считалось первым вопросом и в этом направлении т. т. Майборода, Савгиров, Горбатый и я принимали меры, но проделать это было очень трудно, но все это были только меры и сделать чего-либо существенного мы не смогли. Тогда-же выяснилось следующее: заняв окончательно Пятигорский округ, Шкуро начал свой демократизм распространять. В первую очередь в Ессентуках над Янковским: повесил его, затем повесил бывш. атамана станицы тов. Шведина и начмилиции тов. Егорова, казнил тов. Касаниди. В Пятигорске Шкуро казнил тов.

Гурари, который в одно время думал, что в лице генерала Алексеева идет демократ, казнил председателя эсеровской организации т. Антонюка Вероятно, это положение произвело в мозгах многих товарищей социальную революцию, т. к почти все эсдеки и эсеры перешли в компартию. Единственный человек, оставшийся верным своим старым убеждениям и традициям, это юрист Лунин, который не мог расстаться с меньшевистским мандатом. В 1920 году в Пятигорском округе, в горах бродили разбитые банды, часто вылавливавшие и убивавшие наших товарищей. Так они убили Ессентукского военрука, (кажется бывш. полковник). Недалеко от Ессентуков убиты военком округа т. Логин и предчека т. Зенцов. Правда это было очень подозрительное убийство, но факт преступления налицо. Трудно вспомнить все те ужасы, которые белобандиты творили. Приблизительно в конце 1920 или начале 1921 года в Пятигорском округе, появился новый авантюрист генерал Хвостиков, против, которого прибыла осетинская конная бригада под командой тов. Янышевского, которая заняв Бургустан, двинулась в направлении Баталпашинска. Видимо тов. Янышевский, недостаточное внимание уделил охране себя с тыла, благодаря чему произошло несчастье: противник зашел в тыл и нанес бригаде тяжелый удар. В Ессенту-

ках началась паника, но подоспевшие курсанты восстановили положение и на голову разбили генеральскую банду. О работе в Грузии пишу кратко, т. к. она подробнее освещена в материалах Истпарта Ц. К. Грузии и даю краткую справку, что автор воспоминаний работает на революционном фронте с 1903 года, сидел несколько раз в тюрьмах, подвергался репрессиям и высылке и жил с 1904 года до февральской революции в подпольи. За подготовку протеста и отказа итти на фронт одной из войсковых частей (Роменского полка) в 1904 г. во время русско-японской войны грозила смертная казнь, но успел бежать. В воспоминаниях о работе с 1900 по 1917 год есть много интересного, но оставим это до следующего раза, а пока ограничимся этим, т. к. цель настоящих воспоминаний революционное движение на Тереке.

